

ЕКАТЕРИНА
ДИБРОВСКАЯ

**ПАИНЬКА
ДЛЯ ХМУРОГО**

Екатерина Дибривская

Паинька для Хмурого

<https://litres.ru/74206648>

Аннотация

Вот уж чего я не знала, когда принимала помощь подруги, что судьба снова столкнёт меня с мужчиной, с которым я больше никогда не собиралась пересекаться! А ещё не думала, что именно этот подлец окажется её отцом и хозяином кафе, где я теперь работаю. И вот совсем не думала, что он попросит меня о небольшом одолжении! И, конечно, даже не подозревала, чем обернётся моё согласие сыграть одну небольшую роль!..

ИСТОРИЯ АНДРЕЯ ХМУРСКИХ, ДРУГА ЛЮТАЕВА ИЗ «ТИХОНИ» И СЕРГЕЙ ДМИТРИЧА ИЗ «НЕДОТРОГИ». ИСТОРИИ МОЖНО ЧИТАТЬ ОТДЕЛЬНО.

В тексте: – горячий мужчина, который сначала будет вас раздражать; – девушка в беде; – нестандартные фиктивные отношения; – неидеальные герои; – потом тоже будет раздражать) – щепотка драмы; – а потом вы его простите; – гарантированный ХЭ, несмотря ни на что!

История Ильи Лютаева "Тихоня для Лютого": История Сергея Дмитрича Суровина "Недотрога для Сурового":

Содержание

Пролог	4
Глава 1	13
Глава 2	26
Глава 3	41
Глава 4	55
Глава 5	68
Глава 6	85
Глава 7. Андрей	103
Глава 8	122
Конец ознакомительного фрагмента.	123

Пролог

От волнения сводит живот, а ладони потеют. Под сканирующим взглядом огромного амбала хочется задать дёру и вернуться домой, к нянюшке. Ну зачем я всё это затеяла?!

– Чё такой хилый? – хмуро спрашивает один из вышибал, и я нервно пожимаю плечами. Он ржёт: – Провод-то удержишь?

Второй в это время заканчивает изучать накладные и кивает:

– Проходи.

Я выдыхаю от облегчения: здорово, что не пришлось болтать с ними, а то бы они сразу меня раскрыли! Миновав охранников, я прячусь в женском туалете и срываю нелепый комбинезон и трикотажную шапочку, запихивая скомканные вещи в чёрный пакет.

Идея проникнуть в клуб Андрея Хмурских под видом монтажника охранной фирмы, предоставляющей услуги по видеонаблюдению, пришла на ум моему другу Владику, соседскому сыну, с которым мы вместе сидели на горшках и ходили под стол пешком. Именно он, Владик, удалённо подключился к одной из камер и вывел её из строя, подделал заявку на обслуживание и раздобыл рабочую униформу. Мне оставалось только прийти в клуб, проскользнуть мимо охраны, сверкнув поддельным заказом-нарядом на выполнение

работ и... Собственно, я ни разу не заходила так далеко в своих мыслях, поэтому сейчас, будучи здесь, немного теряюсь.

Я не верила, что мне удастся пробраться сюда. Не то что бы этот клуб охраняли подобно швейцарскому банку... Но когда тебя знает каждая букашка в городе и ты дочь своего отца, такие простые вещи, как посещение скандального ночного клуба, для тебя под запретом.

“Дух бунтарства”, – так окрестил мою вылазку Владик, когда я поведала ему свой план: проникнуть в клуб, пробраться в рабочий кабинет самого владельца и отыскать расписку, которую вернул ему мой отец после возврата долга. Да вот только вместе с распиской чудесным образом испарились и деньги с отцовского счёта, а сам папенька слёг с сердечным приступом... А раз уж этого Андрея я и так на дух не перевариваю лет с шестнадцати, так почему бы не обворовать негодяя, верно? Так я, домашняя паинька и папенькина принцесса, и оказалась здесь.

Засовываю пакет под раковину и поправляю волосы, глядя на своё отражение в зеркале. До чего же хорошенькая! Просто загляденье! Жаль только, что папенька слишком упёрт и хочет, чтобы я оставалась учиться в городе. А мне бы так хотелось уехать учиться в Москву или Петербург!.. И даже положительный ответ пришёл из столичного вуза, но я не посмела перечить отцу. Но, когда я принесу ему эту расписку, он сразу поймёт, что я стала взрослой, самостоятель-

ной и находчивой, а значит, не пропаду одна в большом городе. Надо только не сдрейфить и попасть в кабинет Хмурских, чего бы мне это не стоило!

Решительно покидаю своё убежище и дефилирую среди подвыпивших завсегдатаев в сторону лестницы. К молодой и красивой девушке в дорогом платье лишних вопросов не возникает – это плюс. Но есть и жирный минус – взгляды всех мужчин в радиусе трёх-пяти метров направлены на меня, а мне их интерес, как корове пятая нога!

Но наконец я достигаю вип-зоны. Здесь концентрация свидетелей моего маленького преступления ниже. Я прохожу мимо закрытых дверей отдельных кабинетов в самую даль коридора, туда, где находится святая святых Андрея. В одной из ближайших випок приоткрыта дверь, и мой взгляд устремляется туда против воли. Я вздрагиваю.

Там Хмурских. Окучивает сразу двух девушек. Или они его... Подглядывать я, собственно, не собираюсь, лишь радуюсь, что на обозримое будущее Хмурских слишком занят. И надеюсь, что его личный кабинет открыт.

Мне везёт. Я тихо опускаю ручку двери вниз и попадаю в офис хозяина клуба. Сразу кидаюсь к столу, перебирая каждую бумажку, но не вижу пока ничего похожего на расписку.

Язычок ручки щёлкает, и меня бросает в холодный пот. Что мне делать?!

Решение приходит мгновенно. Под действием адреналина я устраиваюсь на краешке стола, принимая, как мне кажет-

ся, соблазнительную позу, и с вызовом смотрю на входящего мужчину.

– Так-так-так! – довольно протягивает он. – И кто тут у нас такая сладкая конфета? И зачем пришла?

Не сводя с меня лукавого взгляда, Андрей Хмурских ощущает каждый миллиметр моего тела. Хочется сжаться. Хочется сбежать. Но я заставляю себя усидеть на месте.

Облизываю пересохшие губы и выдавливаю улыбку:

– Лера. Я пришла к вам.

– М-м-м, да я сегодня просто сказочный везунчик! – усмеяется он, облизываясь на меня. В самом что ни на есть прямом смысле этого слова. – Ну, раздевайся, раз пришла.

Что же я, блин, натворила и как из этого теперь выпутываться?!

Времени на размышления у меня нет. Хозяин кабинета кладёт руки по обе стороны от моего тела, хлопая ладонями по столешнице.

– Ну же, сладенькая! – выдыхает он мне в лицо. – У меня не так много времени! Давай быстренько сделаем то, ради чего ты пришла, и дело с концом!

Его рука уверенно ложится на моё колено и скользит под подол платья. Страх липким ужом опутывает внутренности, сердце ухает куда-то вниз от ужаса, вгоняющего в оцепенение. Я застываю. Как и время. В этом фрагменте нет ни прошлого, ни будущего. Только застывшие в настоящем мы.

Я наблюдаю словно со стороны, не смея вымолвить ни

слова, не имея сил дать отпор, оказать сопротивление. Будто стою рядом и смотрю на саму себя, застывшую от близости мужского тела, от его прикосновений под юбкой. Где-то в глубине души я знаю, как неправильно происходящее: девушка моего воспитания не должна позволять незнакомому и такому взрослому мужчине трогать себя там, где не трогал никто, и мне стыдно, что я боюсь воспротивиться этим ласкам. А ещё больше мне стыдно от того, что они мне нравятся.

Меня возбуждают уверенные прикосновения мужских пальцев к простым хлопковым трусикам. Каждое нажатие, похлопывание, поглаживание, пощипывание девственной плоти разливается сладкой истомой внутри меня, и я ненавижу себя за эти чувства.

Об этом говорили одноклассницы, когда шушукались в туалете, обсуждая, как *трогали* себя? Из-за этого весь сыр-бор в отношениях с парнями? У меня не было ни того, ни другого опыта, и этот мужчина, Андрей Хмурских, бабник, который каких-то пять минут назад, очевидно, трогал точно так же кого-то другого, явно не должен трогать меня. И мне должны быть противны его прикосновения... Но почему-то я лишь жалобно всхлипываю, вместо того чтобы заорать и прекратить это безумие. А он льнёт ближе, впиваясь в мои губы жадным и требовательным поцелуем, вместо того чтобы отступить.

Пальцы на мгновение до боли вжимаются в тонкую кожу внутренней поверхности бедра, и я думаю, что назавтра там

останутся следы, а потом они решительно сдвигают ластовицу в сторону, открывая меня для более откровенных ласк.

Палец с лёгкостью скользит вдоль интимных складок. Я не сразу понимаю почему. Просто моё тело реагирует на его ласки, хотя такого быть не должно. Это ненормально!

Мужчина снова и снова обводит окружность набухшего клитора, который странно пульсирует под его пальцами, и я чувствую незнакомое напряжение. Которое доходит до самого пика и внезапно растекается под мужскими пальцами подобно горячему олову, проникает в кровь и бурлит в венах. Вместе с этим из моей груди вырываются рваные стоны, которые я старательно пытаюсь удержать. Но вне зависимости от моих желаний они слетают с губ и растворяются в напористом поцелуе.

Мне не удаётся удержать бёдра на месте. Тело не подчиняется мне. Испытывая стыд и смущение, я поднимаю бёдра навстречу мужским пальцам, приближая скорую развязку. Прикосновения становятся резкими, острыми, почти болезненными, но вместе с тем невыносимо приятными. Через всё моё тело проходит волна дрожи, которая приносит лёгкость и счастье. Я парю. Губы расплываются в улыбке, и Андрей оставляет на самом её краю невесомый поцелуй.

– Понравилось, Лера? – усмехается он и отвечает сам себе: – Ну, конечно, понравилось!

Я сижу с закрытыми глазами и боюсь их открывать. Боюсь думать, что случится дальше, но мужчина проводит пальцем

по моим губам – тем самым пальцем, которым ласкал меня под платьем! – и отстраняется.

Я не слышу никаких посторонних звуков, пока он снова не начинает говорить, холодно и отстранённо:

– Георгий Григорьевич? – Я резко распахиваю глаза, натываясь на мужской смеющийся взгляд. Хмурских узнал меня? Понял, кто я такая? А если нет, то зачем звонит сейчас моему отцу? – Я получил ваш подарок и сразу же воспользовался им. Какой подарок? Ха, ну как же? Ваша очаровательная дочь Валерия! Такого от вас я не ожидал! Вот уж удивили так удивили! Одного не могу понять: нахрена вы её мне подсунули? Сказал же, какой-то банковский сбой и я занимаюсь решением данной проблемы! Что? Вы хотите знать, что я с ней сделал? А что, по-вашему, мужчина может делать наедине с прекрасной молодой женщиной? – Я прикладываю ладони к горящим щекам. Боже мой, мне конец! – Георгий Григорьевич, ну где же вы? Алло! Алло!

Хмурских притворно вздыхает, глядя на экран новомодного телефона последней модели, и сбрасывает звонок, обращаясь ко мне:

– Пропал куда-то... Ну да бог с ним! Значит так, Лера! – Я вздрагиваю от его холодного жёсткого тона. – Я не знаю, что за игру вы с папашей затеяли, но у вас ничего не выйдет, так ему и передай! Надо было бы, конечно, отодрать тебя, как мартовскую кошку, чтобы в следующий раз включала мозги, девочка, да проучить твоего старика, но, знаешь,

мне вдруг наскучило с тобой играть, Лера. Так что прова-
ливай, и чтобы я тебя больше тут не видел!

Пытаясь удержать в глазах слёзы и не разреветься перед
этим уродом, я осторожно спрыгиваю на пол и иду на дро-
жащих ногах к двери. Берусь за ручку, и в спину мне летит:

– Ты как сюда проникла?

Я задерживаюсь на мгновение.

– В спецовке фирмы, обслуживающей систему видеона-
блюдения, – говорю, не оборачиваясь к мужчине. Стыдно
снова взглянуть в его лицо. – И мой отец...

– Не важно, – перебивает меня Хмурских. – Всё остальное
меня не интересует. Иди домой, Лера.

Тщательно сдерживаясь, я с трудом добираюсь до выхода
и бросаюсь к первым попавшимся кустам. От стресса меня
мутит, и я падаю на колени, начиная рыдать. Не знаю, сколь-
ко проходит времени, прежде чем рядом со мной останавли-
вается огромный тонированный внедорожник правой руки
моего отца и Марат помогает мне подняться.

– Ну и чего ты натворила, Лер? Совсем не соображаешь?

– Я просто хотела найти расписку... – шепчу я. – Как луч-
ше хотела...

– Как лучше! – передразнивает Марат, но тяжело вздыха-
ет, миг становясь серьёзным. – Папа умер, Лер. Скончался
от обширного инфаркта во время разговора с Хмурских...
Вот к чему привела твоя самостоятельность, Лер...

Я беспомощно хватаю ртом воздух, медленно оседая на

асфальт перед лощёным фасадом ночного клуба, из стеклянных дверей которого появляется сам хозяин. Мужчина равнодушно смотрит на меня, словно на пустое место, и проходит мимо, и я знаю, что никогда больше и ни при каких обстоятельствах не стану искать встречи с ублюдком, разрушившим до основания мою жизнь.

Глава 1

Беда не приходит одна, это знает каждый. Стоило только провалить сдачу зачёта, я уже знала, что в жизни началась чёрная полоса. Препоод на замену прямо озвучил стоимость успешной отметки в зачётке, но я же вся такая принципиальная!.. Вот и пойду теперь со своими принципами... на передачу.

Словно этого было мало: хозяин кафе, где я работаю, смущённо покашливая, вызвал меня в кабинет, чтобы сообщить, что его молодая жена считает меня его же любовницей, поэтому я не могу больше работать в его кафе.

К слову, по слухам трудового коллектива это уже третья молодая жена моего шефа за последние три года. И каждая из них работала официанткой, как и я. Но меня с престарелым ловеласом Юрием Алексеевичем связывают исключительно деловые отношения, и ничего больше. Точнее... связывали. Ведь теперь я оказалась на улице!

К чести шефа, он выплатил мне зарплату на три месяца вперёд, но этого всё равно не хватит надолго. В самое ближайшее время мне нужно найти новую работу с удобным для учёбы графиком, иначе мне придётся ещё и съезжать со своей съёмной халупы, где я сама себе хозяйка, в халупу пострашнее – общагу, полную шумных пьяных студентов, интриг и разврата, к которому я испытываю настоящее отвращение.

щение.

Получив расчёт, я сажусь на трамвай и еду до своей остановки. Сокращаю дорогу через дворы, прыгая между октябрьскими лужицами, в которых отражается проклюнувшийся между низкими серыми тучами закат.

Я стараюсь искать позитив во всём. Подумаешь, уволили! Зато не придётся работать допоздна, и я сумею как следует подготовиться к пересдаче! О более лёгком решении я, конечно, даже не думаю. Это же отвратительно!

В подъезде панельной свечки, как всегда, темно. Лифт не работает, и я, подсвечивая путь фонариком на телефоне, поднимаюсь на седьмой этаж, перешагивая через две ступеньки. Не с первого раза попадаю ключом в замок, да вот так сюрприз! Дверь не заперта. Испытывая леденящий душу страх, раскрываю её, и в глаза ударяет яркий свет.

В полном недоумении иду на тихий звук голосов, и обнаруживаю в кухне хозяйку, Маргариту Семёновну. Рядом с ней стоит какая-то пара. Прямо в уличной обуви.

– Здравсьте, Маргарит Семённа, – звонко говорю я. – Что тут происходит?

Парочка синхронно оборачивается на мой голос, а хозяйка квартиры забавно вращает глазами, надвигаясь на меня.

– Здравствуй, Лерочка! – улыбается она, утягивая меня в единственную комнатуху. Прикрывает дверь и шипит: – Разве ты сейчас не должна быть на работе?

– Разве вы не обещали, что не станете наведываться без

спроса? – задаю в ответ закономерный вопрос.

– Поучи ещё, как мне в собственной квартире себя вести!
– вредничает женщина в возрасте, и я настораживаюсь.

Не к добру она про свою недвижимость припомнила, ох, не к добру!

Будто читая мои мысли, старая Маргарита подходит ближе и сообщает зловещим шёпотом:

– Я покупателей нашла, но они хотят начать перевозить вещи уже завтра. Ты должна съехать, Лера.

– Маргарита Семённа, да куда ж я? – возмущаюсь во весь голос, но хозяйка шикает:

– Чего вопишь, дурная? Я тебя предупреждала, что копейки прошу лишь потому что жду покупателя, а как он появится, так всё... Вот и появился.

Верно. Говорила. Да только я прожила тут практически восемь месяцев и, мне кажется, заслуживаю хотя бы пары дней на поиск нового жилья. О чём и говорю хозяйке.

– В общаге перекантуешься, – непреклонно талдычит она.
– Люди приличные, сразу платят, безо всяких ипотек-шмипотек. Меня всё устраивает, так что, прости, Лера, но тебе придётся съехать сегодня.

Мне хочется рычать от досады. Как же всё это не вовремя! Ну точно чёрная полоса! Но делать нечего: уговор действительно имел место быть, и по нему я должна съехать по первой просьбе хозяйки.

Закончив собирать нехитрые пожитки, я сажусь на кра-

ешек дивана, шумно сдуваю выбившуюся из высокого пучка прядь и набираю номер единственного человека, кто, возможно, может мне сейчас помочь.

Целых восемь бесконечных гудков спустя в трубке раздаётся запыхавшийся голос моей – полагаю её можно так называть – подруги:

– Приветик, Лерыч.

– Привет, – выдыхаю я. И даже зажмуриваюсь. Если она откажет, мне придётся ехать в общагу, и я заранее содрогаюсь от этой мысли. – Лер, мне очень нужна твоя помощь.

Через час я загружаю вещи в машину своей однокурсницы и забираюсь на переднее сиденье.

– И как ты только передвигаешься на такой огромной тачке? – хихикаю я.

– Мой отец считает, что так безопаснее, – Лера закатывает глаза, но тему не развивает. – Ну, рассказывай, Лерон, что у тебя за беда?

Я вкратце делюсь своими проблемами. Не хочу навязываться, но жизнь не оставляет другого выбора.

– Это максимум на неделю, Лер. Я сниму новую квартиру так быстро, как получится. А потом уже начну поиски работы.

– Ой, да оставайся, конечно! Мне не помешаешь, даже если дольше останешься, всё равно я скоро на показ лечу, хата будет пустая стоять.

– Не думаю, что это удобно... – начинаю я.

– Прекрати, я серьёзно! – фыркает Лера. – У меня большая квартира, и я там почти не бываю. Учеба и модельное агентство, фитнес-центр, утренние пробежки занимают почти двадцать часов каждый день.

– И как ты не устаёшь? – удивляюсь я.

– Привыкла, – она пожимает плечами. – С четырёх лет в модельном бизнесе, хочешь не хочешь, а привыкнешь к нагрузке.

– Тебя родители под это подписали?

Лера кивает:

– Мама.

– И папа не возражал?

– Отец не принимал участия в моём воспитании, откупался подарками. Сначала были куклы и их огромные дома, игрушки крутые, поездки по миру, элитная косметика, шмотки, украшения. В шестнадцать лет я получила четырёхкомнатную квартиру, представляешь? – Она звонко смеётся. – А на восемнадцатилетие уже машину.

– Представляю, – вздыхаю я.

– Я его и видела-то раз в год, когда мама отправляла на неделю летом к нему в гости, но даже там мы особо не общались! – делится со мной девушка. – А тут, год назад примерно, его как переклинило! А у меня давно своя жизнь, и я выросла из того возраста, когда нуждалась в отцовском внимании!.. Так, ладно, что мы всё обо мне и обо мне? Если честно, я очень удивилась твоему звонку, Лерон. И что ты

там бормотала про общагу?

Я краснею, но признаюсь:

– Ты, наверное, ни разу не была в нашей общаге? Так вот, там просто круглосуточно все пьют и устраивают оргии! Мне двух недель хватило за глаза, чтобы наслушаться охов и стонов на всю жизнь! Даже в душ страшно сходить: не понятно, залетишь или подцепишь хламидии! Брр...

– Не думала, что ты такая ханжа, Лер! – смеётся Лера.

– Да не ханжа я! – покрываясь густым румянцем, быстро проговариваю я. – Просто такой образ жизни, как у наших в общаге, мне претит.

Я замолкаю. Не могу же я сказать, что любой намёк на интимную близость, даже чужую, вызывает у меня острый приступ паники вкупе с накатывающей тошнотой!.. Тогда она точно решит, что я странная.

– Ты странная, – констатирует Лера. – Но мне так даже больше нравится. Рада, что мы подружились. Ты, однозначно, самый адекватный человек на курсе.

– Взаимно! – не остаюсь я в долгу, ни разу не кривя душой.

На самом деле так думаю. При всём своём внешнем лоске и кричащем богатстве, Валерия Карминская, моя одногруппница, не кичится своим положением, не примыкает к рядам мажоров и золотой молодёжи, не ботанка, не представитель неформалов. Я вообще никогда не видела её в компании кого-либо. Кажется, она тоже ни с кем не общается. Кроме меня. И так повелось с первого дня учёбы, когда Лера

просто уселась рядом. Пару недель мы обе молчали, потом познакомились. Лера и Лера. Такие разные, такие похожие.

А спустя год я уже отважилась напроситься к ней на постоянную на пару дней, пока не найду новую квартиру. Полагаю, теперь мы точно можем называться подругами!

– А ты какую работу ищешь? – неожиданно спрашивает Лера.

– Ммм, да любую! Лишь бы график подходил!

– Думаю, я могу тебе тут немного подсобить, – говорит она.

– Да? И как? – с любопытством интересуюсь у неё.

– Мой отец недавно открыл крутое кафе недалеко от университета. Ему точно нужно много сотрудников! Решено, завтра же позвоню и всё узнаю!

Не хочу навязываться, не хочу.

Талдычу себе, словно мантру, эти слова. Но Лера воодушевлённо начинает напевать себе что-то под нос, а я не решаюсь протестовать. Как знать, может в *крутом* кафе моя карьера сложится удачнее?

После пар Лера торжественно заявляет, что обо всём договорилась с отцом, и мы прямо сейчас поедem в кафе, чтобы встретиться с его кадровичкой. Мне немного боязно. Лера же понимает, что я ищу вовсе не какую-то суперсложную работу? Я весь год таскала тарелки и протирала столы. И рассчитываю найти что-то столь же простое и необременительное. Никакой ответственности. Гибкий график. Чаевые. Ме-

ня всё устраивает.

Кафе Лериного папы расположено в отдельном здании. Для Москвы это большая редкость. Тем более для центра. Мы заходим внутрь, и я словно оказываюсь в американском сериале. От удивления у меня непроизвольно открывается рот, и я мычу что-то непере译имое.

– Да, – тем не менее соглашается подруга. – Именно на такой эффект папа и рассчитывал.

Я с восторгом разглядываю блестящие кожаные диванчики, разнообразные хромированные аппараты на стойке: кофейный, для мороженого и молочных коктейлей; для приготовления различных бургеров, сэндвичей, пицц и хот-догов; для поп-корна и сахарной ваты. Вместо привычного алкоголя на высоких стеллажах стоят стеклянные бутылки с разнообразными сиропами, банки с мармеладом, зефиром, конфетами, печеньем и посыпками. Аккуратные шарики пломбира выкладывают в креманки и щедро приправляют дополнительными сладостями по желанию. Красивые молочные коктейли пастельных оттенков подают в высоких бокалах с двумя изогнутыми трубочками. В зале играет негромкая музыка, льющаяся из музыкального автомата. Здесь, словно в доброй сказке, царит уютная атмосфера, а время течёт более размеренно.

Официантки, молодые девушки студенческого возраста, ходят в белоснежных фартучках и форменных платьях. Ничего вызывающего, пошлого, кричащего. Милые, словно

феи.

– Ого! Здесь как в кино! – наконец удаётся мне сформулировать мысль.

– Да, – снова подтверждает мои мысли Лера. – Мой отец хотел открыть бар, но после долгих размышлений отказался от этой затеи. В итоге открыл кафе, нацеленное на другую аудиторию. Весьма неожиданная для него ниша, надо сказать, но выручка в первый месяц показала, что он поставил на правильную лошадку. Баров-то полно, а вот атмосферных заведений для детей и молодёжи почти нет. Я, кстати, часто зависаю тут в свободное время. Идём!

Лера берёт меня за руку и подводит к столику в самой дальней части зала, у панорамного окна с видом на город, с табличкой «Резерв», и мы садимся на лакированные мягкие диваны. Подруга подзывает официантку и просит два кофейных коктейля. А спустя пару мгновений рядом с нами садится красивая женщина.

– Лера, познакомься, это Диана, папина правая рука. Она занимается подбором персонала. – говорит мне Лера. – Диан, это моя Лера. Папа должен был предупредить.

– Да, предупреждал. – кивает женщина, изучая меня цепким взглядом. – Единственное, Лера... и Лера, девочки, кроме места официантки мне пока нечего предложить. Весь штат укомплектован. Возможно, после испытательного срока будет из чего выбирать, но пока...

Лера поджигает губы, сузив глаза до презрительных щё-

лочек, и я быстро выпаливаю, сама не знаю почему:

– Я согласна!

– Как только появится что-то интересное, мы дадим тебе возможность занять это место, – повторяет Диана, поднимаясь с дивана. – Приходи завтра, как освободишься с учёбы, возьми документы, сразу оформлю тебя и сможешь приступить.

– Спасибо! – благодарю искренне. Это моё самое быстрое трудоустройство, и я могу выдохнуть с облегчением.

Если бы не одно «но». Лера смотрит вслед удаляющейся Диане и заявляет:

– Блин, ну просила же его! Приличную работу для моей подружки! Вот сто пудов эта его Дианка в позу встала, психологиня хренова!

– Психологиня? – непонимающе переспрашиваю я.

– Ага. Папа давно в этом бизнесе, ещё сто лет назад кто-то ему посоветовал взять сотрудника для подбора персонала с психологическим образованием. Ну, знаешь, мол, она взглядом при общении определить может, подходит кандидат на эту должность или нет. Многие думают, что работать с людьми просто, но это ведь совсем не так. Думаю, она не смогла отказать отцу, потому что это я просила, а у нас с ним сейчас... как бы тебе сказать... период восстановления отношений, что ли. Блин, уверена, эта Диана и у папы на ушах плотно сидит... Знаешь что?

– Что? – в полной прострации спрашиваю я. Не успеваю

улавливать смысл потока её речи.

– Я ещё поспрашиваю, может, быстренько найдём тебе другую работу. А то мне прямо неудобно: вроде сама предложила, а тебя берут какой-то официанткой...

– Не парься насчёт этого, Лера. – успокаиваю её. – Меня всё устраивает. Тут, по крайней мере, никто не станет распускать руки.

Ох, зря я это сказала!

Первая рабочая неделя на новом месте проходит на ура. Преимущественно, посетители кафе – родители с детьми, шумные подростки: ученики средней и старшей школы, учащиеся колледжей, кучкующиеся над учебниками, галдящие стайки студентов, молодые парочки. С ними работать легко и ненапряжно. Они не потные подвыпившие мужики, оттягивающиеся в ближайшем к офису кафе.

Здесь юноши всё больше строят глазки, неуверенно улыбаются и несмело пытаются заигрывать, и это вызывает у меня умиление. Кажется, постепенно меня отпускает. Как знать, возможно, однажды придёт время и я смогу стать обычной девушкой, которая не будет вздрагивать от любого намёка даже на вполне невинный контакт с лицом противоположного пола?

Но, видимо, не сегодня!

Стоило только немного расслабиться от внушающей доверие атмосферы добропорядочного кафе, как жизнь поспешила расставить всё по своим местам. Вот уже целых семь

минут я стою возле столика, за которым сидят пятеро парней. Судя по виду, баскетболисты или волейболисты. Они шумно переговариваются и никак не могут окончательно сделать заказ, перебивая и подкалывая друг друга.

– А жареные куриные бёдрышки у вас есть? – спрашивает тот, что сидит ближе ко мне, с самого края дивана.

– К сожалению, нет. – устало отвечаю я. – Но у нас есть бургер с сочной куриной котлетой.

– Жаль, – ухмыляется этот тип. – Знаешь, цыпочка, я бы не отказался от сочных бёдрышек!

Засранец улюлюкает и запускает пятерню прямо под мою юбку. В первое мгновение мне хочется хорошенько треснуть его подносом, зажатым в подмышке. А в следующее – тело сковывает привычное оцепенение, и я застываю, отключая разом все органы чувств.

«Пожалуйста, пусть это прекратится», – прошу я мысленно незнамо у кого. Но всё действительно прекращается.

Кто-то весьма бесцеремонно хватает руку, шарящую под моей юбкой, и выворачивает её за спину, к которой, собственно, эта самая рука и приделана.

– Никто не лапает девушек в моём кафе, – рычит прямо над ухом сердитый голос, и я окончательно прихожу в себя.

Поворачиваюсь к владельцу заведения, чтобы поблагодарить и заверить, что это случайность, но все слова застревают в глотке.

Передо мной стоит *Он*... Андрей Хмурских... Причина

моей замкнутости, всех моих бед. Хотя нет, не так. Он – катализатор, ведь во всём, что со мной произошло чуть больше года назад, виновата только я одна.

Андрей мельком смотрит на меня. В равнодушном взгляде нет ни малейшего признака узнавания.

– Пошли вон, – возвращает он внимание к парням за столиком. – А вы – на пару слов ко мне в кабинет!

Но не успевают ребята даже подняться, а мы – сдвинуться с места, как рядом со столиком возникает Лера.

– О, папочка, ты уже успел познакомиться с моей подругой Лерой? Ну, той Лерой, что временно живёт со мной и которую я просила устроить на работу!

Папочка? Андрей Хмурских – отец Леры? Вот уж не думала, что у него есть дети!

Стоп. Что?

Я работаю в кафе у Хмурских? На него работаю? На человека, из-за которого умер мой отец, а сама я осталась на улице и без средств к существованию? Просто блеск!

Глава 2

И почему я не ушла, спросите вы? Потому что самая настоящая мямля и рохля. Подумала, что никак не смогу объяснить Лере ни перемены в настроении, ни отказ от работы, когда она так мне помогла. Да и если судить объективно – идти мне некуда. Пока не найду другое место, уходить из-за ненависти к тому, кто даже меня не помнит, совсем глупо.

Стараюсь не обращать внимание на хозяина, повадившегося сидеть в общем зале, но взгляд то и дело возвращается к скрытому в нише столику, за которым восседает Хмурских в компании Дианы. Со стороны кажется, что между ними довольно близкие отношения. Доверительные. Вот уж никогда бы не подумала, что этот напыщенный засранец и бабник, не пропускающий ни одной юбки, способен общаться нормально хотя бы с одной представительницей слабого пола. За исключением своей дочери, разумеется. Только рядом с ней колючий взгляд смягчается, рот перестаёт сыпать грубостями, стирается высокомерная усмешка.

Чем дольше я втайне наблюдаю за этим мужчиной, тем больше вопросов возникает в моей голове. Странно вообще видеть его здесь, не говоря уже о том, что образ владельца подобного заведения абсолютно не идёт этому мужчине. То ли дело сочинский ночной клуб! Вот там он истинно занимает своё место!

Забегавшись среди посетителей с их заказами, я на некоторое время забываю о Хмурских и перестаю снова и снова возвращаться взглядом к потаённой нише, а когда основная масса клиентов рассеивается, столик хозяина уже пуст. Я встаю у высокой стойки молочного бара, устало разминая шею, и думаю, как бы мне поскорее сменить работу и найти жильё подешевле, да так, чтобы не чувствовать себя обязанной Лере. Настолько погружаюсь в свои мысли, что не замечаю, как рядом вырастает тёмный силуэт.

– Итак, Лера, значит? – выводит меня из транса звучный голос, чуть грубоватый, с лёгкой хрипотцой. – Дружишь с моей дочерью?

Я поворачиваю голову и, тихо вздыхая, говорю:

– Да, здравствуйте.

Андрей изучает меня несколько мгновений. Мне кажется, что с интересом. Но слишком быстро то, что я принимаю за интерес, сменяется на привычный равнодушный взгляд.

– Давно дружите?

– Познакомились на первом курсе. – отвечаю ему, отводя взгляд. Слишком невыносимо видеть его снова в такой пугающей близости. – Мы в одной группе учимся.

– И учитесь вместе, и живёте вместе... – задумчиво протягивает он. – И на работу ко мне тебя просила устроить Лерка...

Я краснею. Быстро стреляю глазами в мужчину, и наши взгляды пересекаются. Вспомнил, кто я такая? Думает, что

я пришла мстить? Да я, может, и хотела бы, только не знаю как. Не такой мелкой неудачнице тягаться с этим исполином.

— Это временно, — заверяю его. Мой голос звучит слабо, жалко, словно я оправдываюсь. — Хозяйка квартиры выставила меня поздним вечером, и я попросила Леру помочь перевезти вещи. А ваша дочь была столь добра, что предложила перекантоваться у неё, пока я не найду себе новую квартиру.

— Ясно. — просто говорит он. — С работой что?

— Да в тот же вечер, прямо перед тем, как я осталась без квартиры, меня ещё и с работы попросили, — отмахиваюсь я. — Это случайно совпало так. Хозяин забегаловки, где я работала до этого, женился, а молодая жена приревновала...

— Был повод? — с усмешкой спрашивает он.

Я скашиваю глаза на Олю, девочку за баром, которая разливает по стаканам молочные коктейли и выкладывает в мисочки шарики мороженого. Сейчас она с явным любопытством слушает мой разговор с владельцем заведения, хотя и делает усиленно вид, что слишком занята протиркой идеально блестящего хрома сложной техники.

— Нет, конечно. — отвечаю серьёзно.

— Значит, подстраховалась, — самодовольно припечатывает он. — На пустом месте от конкуренток не торопятся избавиться.

— Ничего такого, смею вас уверить. — сухо говорю ему. — Юрий Алексеевич тот ещё ходок, но ко мне никакого инте-

реса не проявлял. Повезло, что я не в его вкусе!

Хмурских присвистывает:

– Ого! Станный мужик.

– Ничего странного, – закатываю я глаза. – Ему нравятся фигуристые блондинки с силиконовыми губищами, а я не соответствую ни одному из этих критериев.

– Ну, значит, это не ты не в его вкусе, а у него просто вкус отвратительный, – “успокаивает” Андрей. – Здесь надолго или так, мимоходом?

От резкой перемены темы сначала не понимаю, чего он от меня хочет. Удивлённо смотрю на мужчину, и он хмыкает:

– Ну чего ты, Лера? Это простой вопрос, без подвоха. Работать у меня долго планируешь или свинтишь в закат при первой возможности?

– Всю жизнь работать официанткой я не планирую, если вы об этом. – осторожно отвечаю ему.

Хочется рассмеяться. Хочется заорать, топая ногами. Было бы куда – свинтила бы не раздумывая, выражаясь его языком! Да только вот так сюрприз: несмотря на огромный жилищный фонд столицы, найти одновременно дешёвую и расположенную не у чёрта на куличиках квартиру за пару дней нереально! Как и найти непыльную работёнку с гибким графиком.

– Лерка за тебя просила, – говорит он скупно. – Ей отказать не могу. Здесь штат укомплектован, пока более стоящего места нет, но я уже веду переговоры о выкупе ещё одно-

го здания под переделку. Хочу второе такое кафе открыть, в другом районе. Полгода, месяцев девять, не могу пока прогнозировать, что выйдет по срокам.

– Поздравляю, – бросаю ему. И зачем мне всё это знать?

– Пока не с чем, Лер. Но если ты продержишься здесь до открытия, наберёшься опыта безо всяких отлыниваний, потому что ты подруга моей дочери и тому подобное, то место управляющей будет твоё.

Я открываю рот и зависаю. Из официанток – в управляющие? Вот это я понимаю, сделать шаг по карьерной лестнице! А точнее, перепрыгнуть сразу через несколько ступенек! Весьма заманчиво в моём положении. Если бы не одно “но”. Которое стоит сейчас по правую руку и выжидательно смотрит на меня.

– Спасибо, конечно, – нервно выдыхаю я. – Предложение заманчивое, но я, пожалуй, откажусь.

– И в чём причина? – спрашивает грубо.

Это личное, Андрей. Настолько личное, что никогда твоё чёрствое сердце не поймёт, ведь ты даже не потрудился запомнить ни моего лица, ни имени, после того как уничтожил всю мою привычную жизнь!..

– В Лере, – выдавливаю я из себя улыбку. – Не хочу, чтобы вы винили дочь, если у меня ничего не выйдет.

– Отказываться из-за страха, что не получится, просто нелепо. – рычит он. Я молчу. Если начну говорить, меня прорвёт. Я чувствую это. – Как знаешь, Лера. Время ещё есть.

Подумай хорошенько и прими взвешенное решение.

Хмурских импульсивно отталкивается от стойки и убегает восвояси, даже не догадываясь, что нет в этом мире силы, которая заставит меня оставаться рядом с ним дольше, чем банальная жизненная необходимость. Как только я улажу все свои проблемы, то уберусь отсюда, чтобы только больше никогда не видеть этого мужчину.

Вечером, несмотря на усталость, я поджидаю, когда Лера вернётся домой из модельного агентства. Подруга приходит глубоко за полночь, и я усиленно прислушиваюсь. На мою удачу она проходит в кухню и начинает там чем-то шуршать, поэтому моё ожидание не проходит впустую.

Я выбираюсь из кровати, одёргиваю пижаму и выхожу из комнаты, которую так любезно предоставила мне Лера.

– О, не спишь, Лерон? – весело бросает хозяйка, взбалтывая шейкер. – Как работа? С папой говорила?

– Говорила, – вздыхаю я. – Лер, я правда тебе очень благодарна. За всё. Но не нужно вынуждать отца делать мне такие предложения. Я не могу стать управляющей его прибыльно-го и, очевидно, набирающего обороты заведения. Я напортачу, а влетит тебе!

– Слушай, во-первых, я не просила отца брать тебя управляющей, это его решение. Во-вторых, он бы не предложил, если бы Дианка не разглядела в тебе потенциала. В-третьих, ты не напортачишь. В-четвёртых, разве плохо стать управляющей одним из ресторанов сети? Это точно куда лучше, чем

перебиваться подработкой официанткой. Для твоего резюме в будущем это будет только в плюс, согласишься.

Конечно, я это понимаю. С таким опытом будет гораздо проще найти работу по окончании университета. Человеку с реальным опытом в управлении пусть и довольно-таки небольшим штатом сотрудников легче трудоустроиться куда бы то ни было, чем девчонке, пробегавшей с подносом всё свободное от учёбы время. И будь её отец кем угодно, только не Хмурских, я бы вцепилась в эту возможность!

Но сейчас я лишь снова вздыхаю и говорю из вежливости: – Спасибо, Лера. Конечно, я всё это понимаю и очень благодарна тебе за участие, но если мне подвернётся более интересный вариант, я уйду при первой возможности.

И сделаю всё, что от меня зависит, чтобы приблизить эту возможность!

– Ну, конечно, Лерчик, – улыбается подруга. – Тебе вообще нужно искать что-то офисное... Нечего с подносом носиться.

– Ну нет никакой почасовой работы в офисах! – развожу я руками. – Уж если бы подвернулась такая, так сразу бы откликнулась.

– Ты красивая девушка, Лерыч, – задумчиво протягивает Лера после недолгих раздумий. – Давай я тебя к нам в агентство пристрою? Будешь на фотосессиях позировать...

– Нет, спасибо! – торопливо перебиваю её. – Это сразу нет.

– Можно попробовать администратором в салон красоты или в фитнес клуб...

– Я просматриваю подобные вакансии, Лер. Но, в основном, везде требуется человек на сменный график и полный рабочий день. Я не могу себе позволить забыть на учёбу, это всё, что у меня есть...

Сама не замечаю, что открываюсь перед ней больше, чем сама себе позволяю, и поспешно закрываю рот. Не хватает ещё проболтаться о том, что произошло между мной и её отцом и к чему это привело, что он сделал со мной и моей жизнью!..

– Тогда папино предложение пока остаётся наилучшим для тебя вариантом. – заключает Лера.

– Пойду я спать, – перевожу тему. – Ближе к делу видно будет. Что гадать, правильно?

– Точно! – кивает она. – Я тоже без сил. Спокойной ночи, Лерыч.

Несколько дней проходит в относительном спокойствии, даже эмоционально. Хмурских не появляется в кафе, Лера практически не бывает дома, и я забываю о щедром – и невозможном – предложении Андрея.

Утром в пятницу Лера сообщает, что уезжает на съёмки в загородный клуб, пропустит учёбу и вернётся только в воскресенье. Поэтому пятничным вечером, возвращаясь после работы, я не жду никакого подвоха. Даже заезжаю в торговый центр, чтобы купить чего-нибудь вкусенького на вечер,

который планирую провести перед телевизором. Посмотрю в кои-то веки фильм, приму без спешки ванну... Беру ведёрко мороженого, чипсы, сок, заодно прихватываю рис и макароны по акции, пачку сахара, пакет рисового молока, зелень, помидоры... Забиваю два пакета под завязку, чтобы не думать о магазинах всю следующую неделю, и тороплюсь домой.

У лифта ручки одного из пакетов не выдерживают, и я подхватываю его в руки. Кое-как нажимаю на кнопку нужного этажа и выдыхаю. Вот же кулёма! А могла давно лежать на диване!

С трудом открываю дверь, ведущую от лифтов к площадке. А возле двери Лериной квартиры меня поджидает сюрприз. Крайне неожиданный и неприятный.

Прямо на коврике, навалившись на косяк, сидит Андрей. От него за версту разит алкогольным амбре, и, судя по всему, он в отключке. Ключи от квартиры валяются рядом с его рукой, словно он пытался открыть дверь, да так и опустился "отдохнуть".

И что мне с ним делать?!

– Андрей Константинович, – тихо зову я. Он не реагирует. Тогда я пристраиваю пакеты у стены, опускаюсь на корточки и осторожно встряхиваю его за плечи. – Андрей... Константинович!

Мужчина издаёт неясный звук и устраивает голову удобнее. От нечего делать звоню Лере.

– Да, Лер. Что-то случилось? – поднимает она трубку после третьего гудка.

– Случилось, – подтверждаю я. – Я вернулась домой, а тут под дверью спит твой отец. Он очень пьян, кажется... В общем, не просыпается, я пробовала его разбудить...

– Чёрт! Сегодня же 21? – спрашивает она.

– Да, 21 октября с утра было.

– Блин, блин, блин, совсем забыла... – стонет Лера. – Нужно было дома остаться...

– Что такое? – с замиранием сердца спрашиваю у подруги. Хмурских же не какой-то маньяк с обострением именно сегодня?!

– Не суть. Это не столь важно, важно другое: папа вусмерть пьяный лежит под дверью, и ты должна как-то затащить его в квартиру. Просто затащи, Лерыч, плиз, пусть спит на полу.

– Он не буйный? – с опаской спрашиваю у подруги. – Не станет меня бить и всё такое?

– Папа?! – с обидой спрашивает она. – Нет, ты что. Он максимум жаловаться начнёт, но раз ты говоришь, что он уже отрубился, то эта стадия позади. Он теперь только завтра встанет, и то ты уже будешь на работе. Всё будет хорошо, я тебе обещаю. Прошу тебя по-дружески, пожалуйста, Лерон, позаботься о моём папе. Сегодня он не в состоянии уехать домой.

Я поджимаю губы. Всё во мне противится, отчаянно со-

противляется Лериной просьбе. Я не хочу заботиться о её отце. И помогать ему не хочу. И тем более не хочу прикасаться к нему. Это его проблемы, что он напился до беспамятства. Не мои. Но Лера на том конце провода, Лера, которая жалостливо пыхтит и чертыхается в трубку, просто не оставляет мне выбора.

– Просто на всякий случай, Лер: если со мной что-то случится, знай, что это сделал твой отец, – протягиваю я, скорее, из вредности.

Девушка смеётся:

– Договорились! Лерыч, напиши, как всё пройдёт, ладно? Очень неудобно просить о таком, но... Это правда сложно объяснить!..

– Всё в порядке. – заверяю её. – Я справлюсь.

Всё не в порядке. Всё до такой степени ужасно, что я забываю, как дышать. Но Лере об этом знать вовсе не обязательно.

Отключив звонок, я отпираю замок, открываю дверь и, ни капельки не заботясь о сохранности подопечного, подталкиваю его в сторону тёмного проёма. С глухим стуком голова Хмурских соприкасается с паркетным полом в коридоре, и я на мгновение присматриваюсь – не проснулся ли от удара? Но мужчина крепко спит.

Тогда я уже спокойнее распахиваю дверь шире, аккуратно переступаю через огромное тело Андрея и включаю свет. Так, осталось самое сложное: каким-то образом втащить

нижнюю часть тела внутрь квартиры! Покрутившись так и эдак вокруг него, поднимаю голову, располагая её на собственных коленях, просовываю руки под его плечи, высовывая их по бокам и сцепляя в крепкий замок на его груди, и ползу назад. Пытаюсь.

Сдвинуть эту стальную махину с места просто нереально! Я предпринимаю попытку за попыткой, пыхтя как паровоз. Лоб покрывается испариной вдоль линии роста волос, и я стягиваю куртку и свитерок, оставаясь в тонкой футболке, и снова проделываю тот же фокус, складывая пальцы в замок на резко вздымающейся и опадающей мужской груди.

– Какой же ты, Андрей, каменный! – жалуюсь ему вполголоса. – Потому и сердце у тебя каменное. И ничегошеньки ты не чувствуешь! И на чувства других тебе плевать!

Снова тяну его на себя, пятаюсь назад, и в этот момент он начинает переворачиваться, оторвавшись от пола, и поддаётся силе моей тяги. От неожиданности я заваливаюсь на спину и начинаю тихо смеяться, не веря в реальность происходящего.

Скажи мне кто хотя бы две недели назад, что я буду лежать, наполовину накрытая телом Хмурских, глаза бы выцарапала! А теперь лежу, ощущая тяжесть на ногах, и хочу себе под нос, боясь разбудить ненавистного мужчину. А он, тем временем, и не думает просыпаться. Лишь удобнее устраивается на моих бёдрах, охватывая ноги ручищами, словно это какая-то подушка! Морщит лицо, будто от боли,

и что-то бормочет, и я смотрю на него во все глаза.

Сейчас он не похож на себя. Не похож на наглого, самовлюблённого, самодовольного, эгоистичного засранца, кем он является в реальной жизни. Сейчас же... он выглядит израненным. Но я тороплюсь напомнить себе, что он не заслуживает жалости: сам напился, сам будет страдать. А потому ослабляю покуда возможно хватку его рук и отползаю назад. Но всё же придерживаю и опускаю его голову аккуратно на пол. Боюсь, что новый удар окончательно разбудит его, а общаться с ним это последнее, что я собираюсь делать.

Заново покупаю и выключаю свет в коридоре. Плакали мои планы... и сон. Ни за что не смогу уснуть, зная, что Хмурских находится со мной в одной квартире!

Включаю негромко телевизор, ем подтаявшее мороженое и пишу Лере: “Дело сделано.”

“Спасибо! Я твоя должница!”

Я ничего не отвечаю. Именно этим я сейчас и занимаюсь – отдаю ей все долги разом. Не будь Андрей отцом Лерки, в аналогичной ситуации остался бы спать на коврик в подъезде. Хотя... не будь он её отцом, никогда бы не оказался под дверью моего, пусть и временного, жилища.

В конце фильма, который толком и не смотрела, ведь мой мозг усиленно размышлял, как меня угораздило подружиться с дочерью единственного человека, которого я бы хотела стереть с лица земли, я выхожу в тёмный коридор и прислушиваюсь к тихому сопению. Не хотелось бы, чтобы Ан-

дрей двинул кони на полу квартиры собственной дочери и при мне, несмотря на все мои мечты на протяжении этого года с небольшим.

Мужчина лежит, сжавшись в клубок, и я вздыхаю, крепко зажмуриваясь на мгновение. А потом иду в спальню хозяйки, резко срываю с кровати плед, подхватываю подушку и возвращаюсь в коридор.

Накинув плед сверху на пьяное тело Андрея, я тихо опускаюсь на колени, чтобы подсунуть под голову подушку. Легко желать смерти тому, с кем рассчитываешь никогда больше не встречаться. Но совсем другое – желать её тому, кто находится рядом и в какой-то степени зависит от тебя. А сейчас Хмурских беспомощен, словно ребёнок, и я не хочу быть ответственной за сохранность его жизни и здоровья.

С трудом отрываю от пола каменную башку этого бесчувственного чурбана, подпикиваю свободной рукой край подушки и решаю, что этого достаточно, чтобы успокоить свою совесть. Опускаю голову на подушку и вытягиваю руку, скользя пальцами по коротким растрёпанным волосам. Хмурских тяжело вздыхает, поворачивается на бок и хватается меня за руку.

– Лера, ты? – пьяно бормочет он.

Я застываю. От страха оглушающе громко колотится сердце. Кажется, этот шум прямо в моей голове. Глупой и пустой. Ничего бы с ним не случилось, если бы продрых на полу без подушки и одеяла. А теперь кто его знает, чего можно ожи-

дать от этого мужчины!

Мысли путаются. Кажется, я не могу ни соображать, ни шевелиться. Липкий пот выступает вдоль позвоночника и тут же остывает. Тело пробирает дрожь. Ну зачем он припёрся к дочери именно сегодня, когда я тут совершенно одна?!

– Прости, Лерка... – продолжает он. – Я так виноват перед тобой.

Глава 3

Он говорит не со мной. С дочерью.

Так я убеждаю себя.

Хмурских не помнит, кто я такая, и точно не жалеет о своих поступках.

Несмотря на то, что, пожалуй, мне это необходимо, чтобы двинуться дальше, не оглядываясь на прошлое.

Чтобы он вспомнил, понял и сожалел. За неимением возможности отомстить и разрушить его жизнь, я думаю, мне было бы достаточно увидеть простое искреннее раскаяние за одну разрушенную напрочь жизнь. Мою жизнь.

Я не просто лишилась отца, своего единственного родителя. Я осталась на улице, потеряв родной дом, где жила с самого рождения, без средств к существованию, ведь все счета оказались пусты. Папины рестораны пребывали в глубоком кризисе, и я потеряла всё. Мне пришлось.

Владик предлагал помощь. Любую. Предлагал обеспечить, помочь с жильём. Но я не могла оставаться в одном городе с человеком, который нагло и беспринципно забрал у меня всё. Из-за него умер мой отец. Если бы Хмурских не позвонил ему, папа был бы жив. А ещё он обворовал меня, присвоил себе весь отцовский бизнес, разорил счета. Я осталась совсем одна и ни с чем. Нет ни одного человека, кто мог бы позаботиться обо мне. Кроме Влада, но из-за стыда за то,

что произошло в кабинете Андрея, я так и не решилась ни разу взглянуть на парня. Я вцепилась в учёбу, как в спасательный круг, встретила Леру, которая начала по-своему заботиться обо мне. И теперь, спустя год, я узнаю, что Андрей Хмурских – её отец.

Мне не нужно от него ничего. Никакого искупления вины, возмещения ущерба – он ничего и никогда не сможет исправить. Я хочу лишь одного: чтобы он понял, что сделал со мной, и сожалел об этом. Этого недостаточно, я знаю. Но мне хватит с лихвой.

Но так же я знаю, что Андрей понятия не имеет, кто я такая. Поэтому ожидать от него сожалений просто бессмысленно. Да и сейчас он принимает меня за другую. За свою дочь.

– Андрей... Константинович, – шепчу я, пытаюсь разжать его пальцы. – Отпустите, вы делаете мне больно. Это я, Лера. Подружка вашей дочери.

На мгновение мне кажется, что он прислушивается, слышит и понимает меня. По крайней мере он предпринимает попытку подняться на локтях, изучает меня сквозь прищур глаз и хмыкает, поваливаясь обратно на подушку:

– Я тебя знаю. – Мужчина тянет меня за руку, и я вынужденно наклоняюсь к самому его лицу. – Ты – Лера.

Я поджимаю губы, чтобы не рассмеяться. Он сейчас такой забавный! Немного рассеянное, уставшее, изнурённое выпивкой, но такое мягкое выражение на лице не вызывает у

меня опасений, а его заторможенная речь и умозаключения веселят. Он мало напоминает мне себя настоящего.

– Правильно, – киваю я. – Я – Лера. Отпустите меня?

Хмурских с удивлением смотрит на мою руку, зажатую в его.

– Нет, – заключает он. – Мне плохо, Лера.

– Тошнит? – моментально спрашиваю у него.

– Нет, – качает он головой. Подносит мою руку к своей груди и прижимает. Я чувствую биение его сердца и ощущаю себя очень странно. – Тут плохо, Лер.

Он открывает глаза чуть шире, внимательно глядя на меня. Надо же! У чёрствого сухаря и эгоиста Андрея Хмурских, оказывается, есть сердце и оно может болеть? Вот так новость! Это обстоятельство поражает, но я решаю подумать об этом позднее.

– Могу вызвать скорую, – предлагаю ему.

– Помогите встать, – просит он, игнорируя моё предложение, и наконец отпускает мою руку.

Смотрит выжидательно, и я с сомнением вздыхаю:

– Давайте, Андрей Константинович, попробуем вас поднять.

Он становится на карачки и опирается на меня. Повисает всей тяжестью, и я с огромным трудом принимаю вертикальное положение, поддерживая мужчину. Мне приходится обнять его тело, а он закидывает руку мне на плечи. Каждый шаг даётся непросто. Я фактически тащу Хмурских, а

он еле перебирает ногами. Мучительно медленно я помогаю ему дойти до дивана, потому что просто не дотащу ни до одной из спален.

– Вот так, Андрей Константинович, – приговариваю я, когда он заваливается на декоративные подушки. – Ножки сейчас закинем, и баиньки. А утром будет лучше.

Я хочу поднять его ноги и даже начинаю наклоняться, но мужчина хлопает ладонью по мягкой сидушке и говорит:

– Посиди со мной.

Я не хочу. Не могу. Не должна. Но Андрей берёт меня за руку и тянет к себе.

– Пожалуйста, Лер. Посиди со мной.

Неловко приземляюсь рядом с мужчиной и тороплюсь отодвинуться от его тела, пышущего жаром. Для верности даже пропихиваю между нами крохотную диванную подушку, и это вызывает усмешку на лице Хмурских.

– Не нравлюсь тебе? – спрашивает он. Я ничего не отвечаю, лишь покрываюсь густым румянцем, едва сдерживаясь, чтобы не вывалить ему в лицо, что о нём думаю. – Да я себе тоже не нравлюсь, Лер. Не бойся, не трону тебя.

Он откидывается на мягкую спинку, расслабленно прикрывает глаза, и я жду, что он сейчас снова вырубится. Но спать он не собирается.

– Как ты тут оказалась? – неожиданно спрашивает Андрей.

– Я тут живу. У Леры, – напоминаю я. – Мы с ней дружим.

Я работаю в вашем кафе.

Он хмурится. Между густых бровей пролегает глубокая складка. Хмурских шевелит губами, словно пытается вспомнить, как правильно произносятся слова. Со стороны это выглядит даже мило, но, напротив, напрягаюсь. К чему такие вопросы?!

– Не так, – наконец выдыхает он. – Тут ты что делаешь?

– Тут – это где? – уточняю я.

Он долго думает и изрекает:

– Такая красивая... Побудь со мной, Лер. Пожалуйста...

Так плохо...

Каждое последующее слово всё больше напоминает бормотание, а я снова и снова проигрываю в разных тональностях одну и ту же фразу. *Такая красивая.* Это он про меня?

Год назад многое бы отдала, чтобы услышать от него нечто подобное, но теперь я абсолютно другой человек.

Я больше не та девочка, что тайком наблюдала за встречами отца с конкурентом, с которым он заключил перемирие, когда мне исполнилось шестнадцать. Совсем не та, кто влюбилась когда-то в Андрея Хмурских, красивого, ухоженного и недостижимого. Совершенно не та, кто грезила по ночам, что папа имеет в виду именно Андрея, когда говорит о моём замужестве.

Я была глупой и наивной, а он меня даже никогда не замечал. Равнодушно скользил взглядом по интерьерам отцовского дома и ни разу не взглянул на меня.

А потом я выросла, прокралась в его кабинет и одна недо-стижимая мечта с треском разлетелась на миллионы частиц, как и вся моя жизнь.

Больше я не мечтаю. Избегаю любых намёков на отноше-ния. Ненавижу его – теперь по-настоящему. Не так, как нена-видела из-за того, что Андрей, в которого я тайно была влюб-лена, никогда бы не взглянул на меня.

Смотрю на свою руку, зажатую в его пальцах, и пытаюсь вырвать её. Но Хмурских сжимает крепче, удерживая на ме-сте. Подпирает меня своим плечом.

– Не уходи. Пожалуйста. – бормочет еле слышно.

От бессилия, переполняющих меня воспоминаний, все-поглощающей ненависти и всеобъемлющей боли слёзы то-ропливо сбегает по лицу. Ненавижу себя за эту слабость, за безвольность, за покорность. Ненавижу, прекрасно зная, как должна поступить. Но продолжаю сидеть рядом, кусая губы и разлагаясь изнутри от рвущих в клочья душу чувств.

Будит меня ужасная головная боль. Тусклый свет из ок-на едва обрисовывает обстановку, и я не сразу понимаю, где нахожусь. Мне жарко, а источник этого жара сопит мне на ухо. Мы лежим на том же диване, тесно прижавшись друг к другу, и рука Андрея Хмурских обхватывает моё тело.

Крепко зажмурившись, жду, когда немного утихнет волна паники, но её... нет. Какая нелепость! Думаю, анализирую, но не могу отыскать источника парализующего страха, хотя рядом со мной и лежит единственный мужчина, кто реально

обидел меня.

Выбравшись из хватки его объятий, я варю кофе и убираюсь из дома, наскоро собравшись. Не хватало ещё провести с этим мерзавцем совместный завтрак!..

Первая половина дня проходит в относительном спокойствии. Клиентов почти нет, поэтому моё разбитое состояние не столь заметно ни для меня, ни для окружающих. Конечно, я никого не собираюсь посвящать в детали пятничного вечера, и повышенное внимание мне ни к чему.

Первый приличный поток клиентов оставляет меня без сил. От усталости тело ломит, головная боль не утихает... Словно это я вчера знатно покурлесила, а сегодня вынужденно ловлю отходняки.

И Оля, девочка с бара, сочувственно смотрит на меня:

– Что, плохо себя чувствуешь?

– Да спала плохо, вот голова и раскалывается, – отмахиваюсь я, не спеша вдаваться в подробности.

– Кофе мне сделай, – гаркает над ухом Хмурских.

Оля закатывает глаза, но скрывается в закуточке с кофе-машиной, а я застываю, ожидая, что будет происходить дальше.

– Спала плохо? – ехидно цедит Андрей. – Так ты ещё пойдёшь, пожалуйся всем сотрудникам на причины своего плохого сна!

От возмущения я не сразу нахожусь с ответом, а он и не думает останавливаться:

– Ступай-ка ты, Лера, домой. Отдохни сегодня, пока не начала трепать направо и налево, какой у тебя выдался паршивый вечер пятницы!..

Со злостью срываю с себя фартучек и толкаю в его руки.

– Даже не собиралась! А вы... вы... – Он изгибает бровь, и весь мой запал куда-то девается. – С удовольствием воспользуюсь вашим предложением и скроюсь с ваших глаз, раз вас так бесит присутствие человека, кто оказался рядом в минуту вашей слабости!

Резко разворачиваюсь на каблучках. Так, что волосы в высоком хвосте взмывают в воздух, рассыпаясь по плечам.

Вот же козёл!

От свербящей внутри злости я пыхчу как паровоз и сильно топаю, направляясь в сторону раздевалки. Несносный, эгоистичный павиан! Вот он кто!

И по кому он только судит всех людей, девушек? Гребёт всех под эту гребёнку, и даже на секундочку не пытается представить, что я и вовсе не собиралась распускать какие-либо слухи и посвящать кого-то в нелицеприятные детали частной жизни большого босса!

Едва зайдя в раздевалку, срываю с себя форменное платье. Уверена, ему просто стыдно за то, что кто-то, кроме его драгоценной дочери, увидел его в таком состоянии! Напыщенный индюк!

“Побудь со мной, Лера, – бубню себе под нос. – Пожалуйста, Лера. Мне так плохо, Лера...”

А мне хорошо было? Всю душу наизнанку вывернула, проведя вечер – и ночь – рядом с ним, а что получила взамен? Премного благодарности.

Продолжая сосредоточенно рыться в своём шкафчике, выкладывая вещи и размещая на плечиках платье, я даже не обращаю внимание на тихий скрип двери. Но цепенею, едва различив за спиной уже знакомое хмыкание.

– Пожалуйста, только не говорите мне, что вы стоите прямо за мной, когда я ещё не одета! – выпаливаю на одном дыхании, не решаясь повернуться лицом. Голая спина и бесшовные слипы кажутся мне более безопасным видом, чем вид спереди.

– Хорошо. Не скажу. – подаёт голос Хмурских. – Ты забыла фартук.

Я его не забыла, а оставила!

– Бросьте на диван, я сейчас уберу.

– А ещё я хотел извиниться, – продолжает он. – Прости, Лер. Был не прав.

От удивления моя челюсть буквально отвисает, но я бросаю через плечо:

– Андрей Константинович, вам не кажется, что вы выбрали для этого не то место и не то время?

– Разве для того, чтобы извиниться, нужен подходящий момент? – удивляется он, и я пишу:

– Я тут вообще-то раздетая, и вы меня *немного* смущаете!

– Прости, Лер, – снова повторяет он, поражая меня невоз-

возможностью этого события. – Профдеформация.

За спиной тихо хлопает дверь, и я торопливо одеваюсь. И только тогда понимаю, что меня не пугает тот факт, что Хмурских пялился на меня. Тело ни на секунду не сковал былой ужас, мозг не начал усиленно паниковать от подобной близости, сердце не ухнуло привычно вниз... Я не хочу думать, что это значит. Я не хочу думать об этом человеке вообще! И то, что он первый и едва ли не единственный мужчина, рядом с которым я не впадаю в панику, невероятно злит меня. Это какая-то вселенская несправедливость, ей-богу!

Уже у самого выхода меня нагоняет Оля.

– Эй, Лер! Ты уже уходишь?

– Да, – киваю я. – Плохо себя чувствую, вот и отпросилась у хозяина.

– И он отпустил? – с обидой спрашивает барменша.

– Ну да, – пожимаю я плечами.

– Ясно, повезло тебе, с дочкой его дружишь! Просто я просила на пару часов раньше уйти сегодня, и он был категорически против... – поясняет девушка. Я вздыхаю. Сложно избежать домыслов, когда всё так запутанно, и Андрей своим поведением лишь подбрасывает пищу для этих слухов.

– Так давай я тебя подменю, – предлагаю ей, даже не задумываясь. – Скажи, во сколько подъехать, и я буду здесь.

– Правда? – радуется она. – Сможешь тогда вместо меня принять машину от поставщика? Просто никого из старших смены сегодня нет, Андрея Константиновича о таком не по-

просишь, другим девочкам я не могу доверять, а ты, как-никак, подруга Валерии. Ведь не подведёшь?

– Не подведу, – улыбаюсь я. – Во сколько нужно приехать?

– Смотри, если всё сложится удачно я убегу сразу в девять, после закрытия, а тебе нужно быть к десяти, раньше они не приезжают.

– А как же я внутрь попаду?

– Давай встретимся в метро? – предлагает Оля, и я соглашаюсь.

Внезапно выпавший выходной я провожу в ванне с пеной, читая учебник по экономической теории. Лежу, пока кожа на руках и ногах не становится сморщенной, а вода окончательно не остывает. Прибираюсь в квартире, пока сохнут волосы, готовлю лёгкий салат и собираюсь обратно в кафе.

По дороге выскакиваю на одной из станций, чтобы перехватить у Оли ключи.

– Точно справишься? – спрашивает девушка в очередной раз.

– Мне нужно просто дождаться машину и принять поставку на складе за кухней? – уточняю я.

– Да, правильно. Откроешь двери, запишись обязательно, а там, как водитель подъедет, откроешь ему заднюю дверь. Он коробки затащит, и ты всё закроешь и уедешь домой.

– Ну, с этим точно должна справиться, – улыбаюсь я, и мы прощаемся.

Первым делом, ступив в помещение кафе, я запираюсь

изнутри. Прохожу сразу к кухне, подсвечивая дорогу телефоном. Зачем зажигать свет и привлекать лишнее внимание возможных злоумышленников, верно?

В огромном, пустынном здании находиться в одиночестве мне некомфортно. Я блуждаю по кухне, вслушиваясь в тишину основного зала, и чувствую, как внутри растёт тревога. А в следующее мгновение по всему зданию гулко проносятся грохот, из темноты в светлую кухню врываются мужчины в масках и с автоматами. От неожиданности я так и застываю рядом с огромной хромированной плитой с кучей конфорок.

Но один из громил всё равно кричит: “Стоять на месте! Охранная фирма “Феникс”! Вы задержаны до выяснения обстоятельств проникновения на частную территорию!”, словно я ищу пути к отступлению.

В полном шоке я наблюдаю словно со стороны, как этот амбал скручивает меня, прижимая к стене, и грубо шарит рукой по телу. От страха я не могу вымолвить ни словечка, хотя должна кричать, просто обязана достучаться до них, что тут какая-то ошибка, ведь я здесь работаю. Но даже дышать удаётся с трудом.

В течение нескольких минут после вторжения сотрудников охранной фирмы в кафе прибывает наряд полиции, и, как в каком-то сериале, на меня насаждают с двух сторон: “плохой полицейский” – охранник, “хороший полицейский” – молодой сержант.

– Зачем вы проникли в кафе в нерабочее время? – участ-

ливо интересуется полицейский.

– Что вы тут хотели свистнуть? – наседает здоровенный детина-ЧОПовец.

Мне хочется зажмуриться, заткнуть уши пальцами и снова оказаться в ванне с пушистой пеной, но я говорю одеревеневшими губами:

– Я здесь работаю. Девочка из смены, бармен Ольга, попросила выйти вечером вместо неё, принять поставку. Она дала мне ключи.

– Почему, в таком случае, вы не отключили сигнализацию?

– Она просто забыла меня предупредить! – талдычу я по кругу одно и то же.

– Допустим, – милостиво кивает сержант. – Кто-то может подтвердить ваши слова?

– Пусть начальство вызывает, раз сотрудница, – гаркает охранник.

Я ойкаю:

– У меня нет ни одного номера... Я только недавно устроилась, толком ни с кем не общаюсь...

– Но тебя пустили ночью в кафе? – усмехается амбал. – Ну-ну!

– Я могу позвонить подруге, она дочь владельца... Она вызовет отца сюда, – протягиваю я.

– Звоните, – разрешает представитель власти.

Коротко обрисовав ситуацию через звуки громкой музы-

ки, я лишь надеюсь, что Лера всё расслышала и ей удастся как можно скорее связаться с Хмурских. Но минут через семь девушка перезванивает и сообщает, что телефон отца постоянно занят. Несмотря на заверения Леры, что она проврётся рано или поздно и папа всё решит, моё сердце устремляется в пятки.

– Ну, раз так, придётся вам, гражданочка, проехать с нами и дожидаться владельца в обезьяннике, – заявляет полицейский. И выбора, как вы понимаете, у меня нет.

Глава 4

В тот момент, когда меня уже собираются вывести из кафе и посадить на заднее сиденье патрульной машины, снова раздаётся звонок моего телефона.

– Да, Лер? – бросаю я в трубку.

– Я дозвонилась до папы, скоро он будет в кафе. Скину тебе его номер в смс на всякий случай, – тараторит подруга, и я выдыхаю.

Мои стражи хоть и не радуются перспективе торчать в кафе в ожидании хозяина, но идут на это. Как я подозреваю, лишь из ожиданий получить “компенсацию” за беспокойство и хлопоты.

Мы устраиваемся за одним столиком в общем зале, и ждём.

Проходит не менее часа по моим прикидкам, когда в кафе влетает Андрей. Сначала отыскивает меня взглядом, внимательно изучает, чуть хмуря брови, но заметно расслабляется. Показывает полиции свои документы и какие-то бумаги в папке – думаю, это документы на кафе, и после этого Хмурских пропускают за наш столик.

Он садится рядом со мной, усмехаясь уголком губ, обстоятельно узнаёт детали произошедшего, и с каждым словом этих объяснений всё сильнее сжимается его челюсть.

Мужчина не задаёт мне тупых вопросов, вроде: “Лера, ты

уверена, что всё было именно так?” или “Лер, это была точно Оля?”. Словно он вот так сходу понимает, что было именно так и это была действительно Оля. Возможно, так и есть, поскольку Андрей наклоняется ближе к сержанту и предлагает замять дело безо всяких протоколов задержания и повесток.

Нет, я, конечно, рада такому исходу, но не понимаю, зачем давать взятку. Подумаешь, случилось небольшое недо-разумение!..

Но я никогда бы не решилась озвучивать свои мысли, поэтому молчаливо жду, когда всё закончится. А едва из кафе убираются полицейские, а вслед за ними сотрудники охранного агентства, как я поднимаюсь и спрашиваю:

– Вы же дождётесь сами машину с поставкой?

– Поставки у нас по утрам, Лер. – отмахивается он со вздохом. – Поехали, я подвезу тебя домой.

– Что значит: по утрам?! – мой голос от удивления звучит звонче и громче. Мозг даже не успевает проанализировать предложение Хмурских. Хотя... какое, к чёрту, предложение, если оно звучит как приказ? Но сейчас меня волнует только одно. – Андрей Константинович, сегодня не будет поставки?!

Он снова вздыхает, некоторое время молча буравит меня взглядом и поднимается.

– Нет. Поехали, Лер.

– Я не понимаю... – закусываю губу. Взгляд мужчины опускается туда, и он повторяет:

– Поехали. Если тебе нужны ответы, которые сам я собираюсь получить в ближайшее время, то заедем сначала в одно место...

– Нужны, – вырывается быстрее, чем я успеваю продумать всё наперёд.

Андрей самолично проверяет всё кафе и запирает дверь, выставив по новой сигнализацию. На парковке, в самом центре, одиноко стоит новенький кроссовер ярко-синего цвета, и именно к нему уверенным шагом следует мужчина. Меня поражает тот факт, что сперва он открывает переднюю пассажирскую дверцу и протягивает мне руку для поддержки и опоры. Я же смотрю на неё с внутренним содроганием. В памяти вспыхивают самые постыдные воспоминания прошлого. Совершенно некстати.

– Я не кусаюсь, – с усмешкой бросает мужчина и, очевидно, устав дожидаться моих действий, сам берёт меня за руку и тянет к машине.

Быстро запрыгиваю на сиденье, и Андрей вытягивает ремень безопасности. На мгновение наши взгляды пересекаются. Его – слишком серьёзный, внимательный – смущает меня, и я торопливо выхватываю из его пальцев фиксатор ремня и отворачиваюсь, якобы застёгивая его. Вожусь дольше необходимого, и Хмурских хлопает дверью, через несколько секунд уstraиваясь за рулём.

Мужчина плавно трогает с места, включает негромкую музыку, таким образом избавляя меня от необходимости ве-

сти задушевные беседы.

Мы практически доезжаем до дома Леры, когда он вдруг сворачивает с дороги и паркуется возле похожего.

– Куда мы приехали? – не могу сдержать беспокойства.

– Ко мне, – пожимает он плечами, чуть заметно морщась.

– Мне нужно получить несколько ответов, тебе, как я понял, тоже...

Я лишь киваю. Заинтригованная, следую за ним. Получается, он живёт на другом конце того же жилого комплекса, где и его дочь? И что там меня ждёт, в его квартире?

Воображение рисует картины – одну ярче другой. Как головорезы из ЧОПа притаскивают Олю и Андрей начинает допрос с пристрастием, например. Мысленно я дохожу до жутких пыток к тому моменту, как мы останавливаемся у двери без номера, обтянутой светлой искусственной кожей.

Хмурских отпирает замок, и изнутри раздаётся вопль:

– Как ты мог запереть меня?!

Словно извиняясь передо мной своим взглядом, мужчина входит первым и жестом приглашает войти меня. И едва я ступаю на чужую, незнакомую территорию, как взгляд мгновенно обнаруживает источник этого шума.

Посреди просторного коридора Андрея Хмурских, заламывая руки и причитая, стоит Оля.

В моей голове рождается целая сотня вопросов, но я не решаюсь озвучивать их вслух. Где-то в глубине души я знаю, что именно произошло, но мозг усиленно пытается найти

удобное оправдание. И первые же слова Андрея отсекают эту возможность.

– Ты реально рассчитывала, что я поверю в эту нелепость? Думала, решу, что Лера решила меня обчистить? Сюда явилась, чтобы отвлечь, звук на моём телефоне вырубил... Ну не можешь же ты быть в самом деле настолько тупой, чтобы считать, что это бы прокатило?

Я смотрю прямо в центр напряжённой мускулистой спины мужчины, набираясь решимости. Делаю несколько коротких частых вдохов, протяжно выдыхаю и перевожу взгляд на Олю.

– Ты специально подставила меня? – спрашиваю я. – Зачем?

Она молчит. На меня не смотрит, только на Андрея. Жалобно, просяще, что делает странную ситуацию какой-то комичной. Но меня ничуть не забавит её дурацкое поведение, напротив, я испытываю брезгливость. А мозг наконец начинает соображать.

– Давай, Оля, – требовательно бросает Хмурских. – Расскажи нам свой план.

– Не хотела я её подставлять, ясно? – обречённо вопит она. – Только отомстить!

– Идиотка, – констатирует Андрей.

– Стоило Лерке только появиться, ты бросил меня! Будто я не понимаю, что решил теперь её окучивать! Вот и решила: эту выскочку приструню, напугаю. Посидит ночку в ката-

лажке, да свалит из кафе. К тебе приехала, звук отрубила на телефоне. Всё же на мази было... – скулит она. – Чёрт меня дёрнул в душ попроситься... Трахались бы, так ты бы даже ничего не заметил...

Я шумно выдыхаю, и спина Хмурских напрягается ещё сильнее. Тесная рубашка, кажется, того и гляди грозит треснуть по швам.

– Вон пошла, – тем не менее тихо говорит он ей. – В понедельник за расчётом приходи, Диана всё оформит. У меня ты больше не работаешь. Станешь доставать: меня, Леру, кого-то ещё, я тебя прихлопну, поняла?

– Ну ты и скотина! – взрывается она. – Как трахать меня: в кабинете, в раздевалке, в квартире, так подходила тебе, а как я свои чувства отстоять решила...

– Лучше замолчи, – предупреждающе рычит он, и я тихо пячусь назад.

– Что, боишься, Лерка твоя правду узнает? Да пусть послушает, чего и её ждёт...

В два размашистых шага Андрей подходит к девушке, отрывает от пола и выставляет за дверь, запирая замок. Скрывается из виду ненадолго. Оля колотит в дверь, и я обмираю от страха, вжимаясь в вешалку с верхней одеждой.

Хмурских появляется снова. В его руках сумка и кофта. Он аккуратно сдвигает меня в сторону, снимает с вешалки пальто, открывает дверь и швыряет туда все вещи.

– Забирай своё барахло, и чтобы духу твоего в радиусе

трёх километров не наблюдалось! – бросает он, громко хлопая дверью.

Я не решаюсь смотреть на мужчину. Шестым чувством ощущаю негативную энергию, исходящую от него.

Но неожиданно спокойно он вдруг спрашивает:

– Поняла, Лер? – И я киваю. – Прости за это. Тупая девка навоображала себе роман века и творит чёрт знает что.

– Я хочу домой, – тихо говорю ему.

– Знаю. Давай хоть пять минут переждём, пусть свалит, и я тебя провожу.

– Я могу идти сама, – предлагаю с сомнением.

– Нет, не можешь. Не хочу брать на себя такую ответственность. Если она ополоумела в край, то может караулить снизу...

Я вздрагиваю. Неужели он стоит того, чтобы так себя вести? Интересно, все брошенные им женщины способны на всякие безумства в надежде получить крупницы его внимания? Мне противно от этих мыслей. На мой скромный взгляд, нужно радоваться, что этот бабник больше не строит на тебя планов!..

А он тем временем понимает моё состояние по-своему.

– Скажи мне, если Оля будет тебя доставать. Я решу этот вопрос. И не бойся, ладно?

– Я и не боюсь, – говорю ему. – Скорее, недоумеваю...

– Недоумеваешь? – усмехается он. – По какому поводу?

– Почему женщины делают подобные вещи из ревности,

когда очевидно, что *ничего такого* нет и в помине, — пожимаю я плечами.

— Женщины чувствуют конкуренцию. — снова усмехается он. — И торопятся устранить её.

— Как можно чувствовать конкуренцию, если я ни на что не претендую? — возмущённо спрашиваю у него. — Должен же быть какой-то повод...

— Святая простота! — смеётся Хмурских, но тему предпочитает не развивать. — Хочешь чай, кофе, чего покрепче?

— Нет, спасибо, — торопливо отказываюсь я.

Не хватало ещё с ним чаёвничать!

— Мне правда жаль, что так вышло, Лер.

В его голосе и мягкость, и искреннее сожаление, и жалость.

Но я тороплюсь восстановить вселенскую справедливость:

— Мне тоже жаль, что из-за меня у вас обломился классный вечерочек, пусть ваша подружка и оказалась малость *того*!

Я ни на секунду не должна забывать, что он за человек!

На краткий миг на лице Андрея вспыхивает престранное выражение. Смесь удивления с восторгом. Но слишком быстро оно сменяется скучающей, почти равнодушной маской.

— Было бы из-за чего сожалеть, — усмехается он. — Так... На слабую троечку девчонка.

Я не могу сдержатъ отвращения:

— Вам не кажется, что это мерзко, Андрей Константинович? Если бы кто-то так оценивал вашу дочь, вам бы понравилось? А ведь Оля тоже чья-то дочь...

— Моей дочери следует осмотрительнее выбирать, с кем спать. — назидательно говорит он мне. — Как и Оле. Как и любой женщине.

— Хотите сказать, что вы — кандидатура неподходящая? — со сдержанным смешком спрашиваю я. Хочется услышать от него вербальное подтверждение каждому моему знанию.

Но он вздыхает:

— Хочу сказать, что, соглашаясь на одноразовые связи, нужно быть готовой к тому, что партнёру однофигиственно на твои чувства. Я был честен с Ольгой, она знала, на что шла. И всё равно решила что-то кому-то доказать, хотя и понимала, думаю, что это лишь разозлит меня.

— Это отвратительно, — качаю я головой.

— Не всем нужны чувства, Лер, — пожимает он плечами. — Некоторые лишь удовлетворяют свои физиологические потребности. Как мужчины, так и женщины.

— Вы достаточно откровенны, — выдыхаю я. — Не думала, что люди распространяются о таком.

— Потому что ты стала свидетелем моей частной жизни, полагаю. А ещё для того, чтобы ты не питала иллюзий. В жизни не всё так радужно и красиво...

Уж это мне известно в полной мере!

Наш странный разговор сходит на нет. Андрей больше не торопится с откровенными признаниями, а я не задаю вопросов. Почему-то разговаривать о личном с этим мужчиной кажется мне более интимным, чем то, что происходило между нами в его кабинете.

Наконец Хмурских спрашивает, готова ли я идти домой, и я отвечаю, что готова. Пройти я всё равно не решаюсь, а коридор изучен вдоль и поперёк. Трудно изворачиваться, когда стальной серьёзный взгляд нацелен прямо на тебя... Потому я испытываю облегчение, когда мы покидаем квартиру мужчины.

Ни в подъезде, ни возле дома Оли не видно, и мне становится спокойней. Думаю, часто ли мне теперь придётся оглядываться по сторонам или Ольга успокоится, испугавшись предупреждения Хмурских?

На моё удивление Андрей проходит мимо парковки, где стоит его автомобиль, и мы продолжаем идти по тёмным улочкам нашего жилищного комплекса. Периодически я бросаю быстрые взгляды на хмурое лицо мужчины, и он замечает это.

– Что?

– Ничего, – пожимаю я плечами.

– Отвратителен я тебе? – усмехается он. Я не отвечаю. – Да я и так знаю, что ты там себе навоображала, Лер.

Мне не нужно воображать. Слава о любовных похождениях Хмурских тянулась за ним везде. Не зря он был и остаёт-

ся владельцем самого скандального ночного клуба! И то, что сейчас он активно взялся за развитие безобидного молочного бара, не делает ему чести и не отменяет того, кто он есть на самом деле.

– Не столь важно, что о вас думаю я, – протягиваю осторожно. – Вы – отец моей подруги и владелец заведения, где я временно работаю. Ваша половая распущенность никоим образом меня не колышет. Было бы просто чудесно, если бы она ещё не сказывалась на окружающих, как сегодня, например.

– Забавная ты девчонка, Лера. – неожиданно мягко улыбается он. – А если мне интересно знать, что ты думаешь обо мне?

Подумав немного, я отвечаю:

– В рамках ваших откровений или вообще?

– Допустим, первое, – хмыкает он.

– Я считаю, что, будь вы достаточно убедительны в выражении своих предпочтений, Оля не восприняла бы ваш разрыв так близко к сердцу и не стала бы устраивать этот нелепый выпад в сторону того, кто уж точно ни в чём не виноват!

– Женщинам свойственно надумывать то, чего нет на самом деле, – философски изрекает Хмурских.

– Ой ли! – закатываю я глаза. – Зуб даю, что вы не обсуждали с ней перспективы будущего до того, как затащили в койку!

Я осекаюсь тяжело дыша. Жалею, что сказала ему это.

Ткнула пальцем в небо, ведь именно что-то подобное и произошло у меня с ним. Но Андрей взрывается от смеха:

– Какая ты классная, Лер! Пожалуй, единственная, после Дианы, кто не боится говорить мне, что думает.

– Вы сами хотели правду, – фыркаю в ответ, и он кивает:

– Хотел. А как тебе такая правда: Оля вешалась на меня с первого дня, как устроилась на работу. Я не видел причин отказываться. Сразу обозначил все вводные, она согласилась. А потом начала выкручиваться, чтобы возвращаться в мою койку снова и снова. Когда мне это осточертело, я поставил точку и велел ей больше не вертеть передо мной хвостом. Она успокоилась, прониклась, как я полагал. А сегодня это...

– Но ведь сегодня вы тоже не отказались, – резонно замечаю я.

– Грешен, каюсь, – поднимает он руки. – Редкий мужчина откажется, если дама проявляет чрезмерную настойчивость.

– Разве мужчины не должны держать слово?

– Перед тобой сдержу, – усмехается он. – Поздравляю с повышением, место бармена теперь твоё. Работа чище, зарплата выше.

Мы тормозим возле подъезда Лериного дома. Я испытываю двоякие чувства от неожиданной новости. С одной стороны, деньги мне не помешают. С другой, мне гадко, что в какой-то степени выжила Олю и заняла её место.

– Будь готова к девяти, я заеду. – говорит Хмурских, резко

разворачиваясь на пятках.

– Не стоит, Андрей Константинович... – сопротивляюсь я.

– В целях твоей безопасности, Лер. – успокаивает он. – Не заставляй меня нанимать тебе охрану.

– Вы же шутите? – ойкаю я.

Мужчина многозначительно окидывает меня взглядом.

– До завтра, Лер. Я буду в девять. И не вздумай сбежать раньше.

Мужчина удаляется и почти доходит до поворота. Я кричу:

– А если сбегу?

Эхом до меня доносится тихий хриплый смех, и мои губы расплываются в улыбке. На короткую долю секунды.

Глава 5

– Ну как? Обжилась? – Лера плюхается на высокий барный стул напротив меня и просит сделать два кофейных милкшейка.

С тех пор как я начала работать за барной стойкой, подружка переместилась поближе ко мне из-за привычного столика. Мы болтаем под неодобрительными взглядами её отца, который, впрочем, ничего не говорит против. Пока недовольных посетителей нет, думаю, и не скажет. Теперь его и особо многословным-то не назовёшь.

С того самого вечера, как я получила это место, точнее, со следующего утра и до сих пор Андрей Хмурских держал дистанцию и не выходил со мной за рамки “владелец кафе – сотрудница”, что не могло меня не радовать. Чем дальше он держался от меня, тем проще мне было работать в его заведении, тем проще было “забывать”, на кого я вынуждена временно работать, и совесть не ныла по этому поводу.

Получив первую зарплату, я вздохнула спокойнее и начала подыскивать квартиру втайне от Леры. Подруга же была настолько погружена в предстоящую поездку на показ, что не обращала внимания на мои отлучки и неторопливые сборы.

Работу я, конечно, тоже подыскивала, но, как назло, в самый разгар учебного года вакансий с подходящим мне гра-

фиком попросту не появлялось: всё давно занято такими же студентами и освободится теперь нескоро. А если что-то случайно вдруг и подворачивалось, так в совершенно неподходящем районе города – слишком далеко от университета и квартиры Леры, что сводило смысл моих поисков на нет.

Таким образом, я зависла в кафе ненавистного мне мужчины и в квартире его дочери, а значит, он постоянно присутствовал в моей жизни, чем бесил ещё больше. Но я не готова была пожертвовать всем, лишь бы только это прекратить.

Постепенно я смирилась, думаю. Как говорится, если ты не можешь изменить ситуацию, измени отношение к ней. Так и я. Изменила отношение к обстоятельствам в твёрдом убеждении, что это временное явление. В конце концов, мне с ним детей не крестить!

– Да, обжилась. – улыбаюсь я подруге. – Шарик получает всё ровнее, я практически выучила все названия допов, а коктейли идеально смотрятся в стакане.

– Это здорово, – радуется она. – Не лучшая работёнка, но уже лучше, чем с подносами ходить.

– Ага, – киваю я.

Зарплата тут выше, но нет чаевых. Но я не печалюсь, ведь уровень заработной платы покрывает их отсутствие с лихвой.

– Это мне? – возникает рядом с дочерью Хмурских, подхватывая второй коктейль.

Я едва сдерживаюсь, чтобы не закатить глаза. С огромным стаканом молочного коктейля мужчина выглядит практически невинно. Ну прямо благородный отец семейства, выгуливающий детей!

Он устраивается на стуле, распахивает пиджак, обхватывает соломинку губами... И я заставляю себя отвернуться.

– Лера, присоединяйся к нашему пиршеству, – говорит он мне.

– Андрей Константинович, но ведь сотрудникам запрещено пить и есть на рабочих местах, – удивляюсь я.

– А мы злому боссу, который выдумал все эти дурацкие правила, ничего не скажем, – заговорщицки шепчет он, вызывая смех Леры и невольную улыбку у меня.

Я наливаю клубничный коктейль, и мы чокаемся.

Каким бы отвратительным человеком не был Андрей, он хороший отец и просто отличный бизнесмен. И тем более отвратительно мне находиться рядом с ним.

Он недолго разговаривает с Лерой о предстоящей поездке и отчаливает по своим делам, прощаясь со всеми до завтра. После его ухода мне становится будто легче дышать. По крайней мере, мне не приходится “держатъ лицо”, и я расслабленно слушаю вузовские сплетни, которыми снабжает меня подруга. А потом она уходит и мне остаётся только дожидаться конца смены.

Но за десять минут до закрытия, когда за столиками уже и посетителей-то не осталось, а девочки-официантки приби-

рают зал, в кафе вваливается Хмурских в компании какой-то девицы облегчённого поведения. Судя по нетвёрдой походке, они навеселе. Я хмжруюсь, потому что эта парочка направляется напрямиком к бару.

– А тут есть что-то выпить? – громко спрашивает деваха.

– Молочные коктейли на любой вкус! – смеётся Андрей. В его кабинете наверняка имеется пойло, соответствующее случаю, но он тащит свою ночную спутницу через весь зал к барной стойке.

– Да ты шутишь?! – обиженно надувает она губы. Я выдаю фирменную улыбку:

– “Милкшейкс бар”, какой вкус предпочитаете?

Девушка морщится. Андрей щёлкает её по носу и говорит мне:

– Лер, будь зайной, сделай клубничный... да клубнички побольше... и принеси ко мне в кабинет.

– Она, значит, зайка? – с претензией возмущается девушка.

– Зайка, – кивает Хмурских. – А ты... тигрица.

Они покатываются со смеху, продвигаясь дальше по залу, а я выполняю механические действия, чтобы поскорее отделаться от этого задания и свалить как можно дальше от намечающейся оргии.

Ставлю стакан на поднос, представляя, как с особым удовольствием швырнула бы его в эту сладкую парочку, стучу в прикрытую дверь, слыша какую-то возню, дожидаясь поз-

воления войти.

За столь непродолжительное время Андрей успел избавиться от пиджака, а его рубашка расстёгнута на три верхних пуговицы. На его шее смазанный след от помады очередной временной подружки, которая восседает на столе, рождая в моей памяти неприятные воспоминания.

– Ваш коктейль, – тихо говорю я, не решаясь подойти ближе.

– Давай сюда, – капризно тянет девица.

Делаю шаг, другой. Андрей слегка поворачивает голову, и наши взгляды пересекаются. Мне чудится, что мужчина коротко усмехается, но это происходит в тот момент, когда я уже поспешно отвожу глаза к полу.

– Эй, зайныка! – привлекает моё внимание девица. – Не будь улиткой... Или ты решила составить нам компанию? Так тут никто не станет возражать...

Выставляю вперёд дрожащие руки с подносом, и девушка забирает стакан, посмеиваясь надо мной.

– А что? Ты хорошенькая, а этого жеребца на десятирех хватит, поверь моему опыту!

Моё лицо пылает от смущения, и я пячусь назад к двери, словно кто-то в самом деле может начать приставать ко мне.

Ничего не могу поделать с собой: взгляд то и дело возвращается к Андрею, но тот слишком занят своей новой пассией. И в последний момент, когда мне остаётся только выйти за дверь, он поворачивается ко мне снова.

– Ты так медленно уходишь, Лер, что я могу решить, что ты *хочешь* задержаться, – чётко и ясно произносит он. Серые глаза, отливающие сталью, смотрят насквозь, пробирают до дрожи. Слишком трезво, слишком серьёзно для его состояния. И я выскакиваю из кабинета, громко хлопая дверью.

За минуты заминки другие девочки уже успевают уйти в раздевалку и начинают покидать кафе. Мне же требуется некоторое время, чтобы убрать рабочее место. Поэтому именно я слышу грохот в кабинете Андрея, вижу вылетающую пулей девушку, которая на ходу поправляет одежду и, словно ошпаренная, растворяется в ночи. И именно я осторожно крадусь к кабинету владельца и заглядываю внутрь, хотя *не хочу* и *не должна* этого делать.

Хмурских стоит, опираясь обеими руками на стол, где недавно сидела чёртова распутница. Спина сгорблена, плечи часто поднимаются и резко опадают. Под его ногами битое стекло – тот самый бокал, который я принесла минут десять-пятнадцать назад.

Проклиная себя за эту слабость, я неслышно проскальзываю внутрь кабинета и спрашиваю:

– Андрей Константинович, вы в порядке?

Он вздрагивает и тихо говорит:

– Уходи, Лер. Ступай домой. – Резко оборачивается, и я вижу, что его руки в крови.

– Вы порезались? – Я подхожу ближе. – У вас есть аптечка?

– Лера! Уходи! Я прошу тебя! – повышает он голос, но я качаю головой:

– Знаете же, что не уйду.

– Я здесь главный, ты не забыла? – изумлённо изгибает он бровь.

– А мой рабочий день уже закончен, поэтому я могу не выполнять ваших указаний! – парирую я. – Вы же знаете, если бы я позвонила Лере, она всё равно попросила бы меня присмотреть за вами, так что давайте не будем усложнять! Где аптечка?

Мужчина недовольно поджимает губы, но кивает в сторону шкафа, и я нахожу пластиковый контейнер с красным крестом. За неприметной дверью внутри кабинета шефа находится небольшая личная уборная, и я прошу его пройти туда.

В тесноте помещения мы вдвоём едва умещаемся у маленькой раковины. Я бросаю взгляд в зеркало и вздрагиваю, наткнувшись на внимательный взгляд Хмурских. Холодный белый свет, отражённый от кафеля делает моё лицо бледным, болезненным. Его же смуглая от загара кожа кажется красной. Словно он горит.

Я стараюсь не смотреть на размазанную по крупной шее помаду, но глаза то и дело устремляются туда, вызывая внутреннее отвращение. Тогда Андрей мочит полотенце, смывает кровь с ладоней и с нажимом трёт в месте следа от поцелуя. Мы не разговариваем, только смотрим друг на друга че-

рез зеркальную поверхность. Пока я не прерываю этот визуальный контакт, склоняясь над его руками.

Его ладони иссечены порезами, словно он раздавил ими бокал. Но я не задаю вопросов. Чёрт его знает, что за безумные идеи приходят ему в голову во время сексуальных игр!..

Я внимательно изучаю порезы. Большинство из них мелкие, от них явно не будет проблем. Но есть и пара глубоких, кровь из которых продолжает сочиться, сколько бы я её не убирала. Я промываю раны сначала проточной водой, потом перекисью водорода и накладываю бинты. Хмурских послушно поворачивает руки, поддаваясь моим манипуляциям, но не сводит с меня взгляда через зеркало, я чувствую это.

Чувство неловкости, которое я испытываю в это мгновение, осязаемо. Щёки пылают, от духоты выступает испарина по линии роста волос, и это делает ситуацию ещё более неловкой.

Чтобы чуточку облегчить напряжение, звенящее в воздухе между нами, я спрашиваю:

- Уместно ли будет поинтересоваться, что случилось?
- А сама-то как думаешь? – усмехается он.
- Стакан разбился?.. – он кивает. – У вас в руках?.. – Снова сдержанный кивок. – Вам следует осторожнее обращаться с предметами.
- Благодарю за бесценный совет, – сухо бросает мужчина.

Я закатываю глаза. Вот же несносный босс! Такой взрослый человек, а ведёт себя хуже подростка!

– Вы могли пораниться гораздо сильнее, Андрей Константинович...

– Ещё скажи, не жалеешь, что стекло не задело никаких жизненно важных артерий и я не истёк кровью!.. – цедит он сквозь зубы. Я замираю, отпуская его руку. Во рту пересыхает, когда я заставляю себя спросить:

– Что?

Хмурских пытливо смотрит на меня и начинает говорить:

– Зачем ты здесь появилась, Лера? Зачем ты появилась в моей жизни? Я всё ждал, пытался понять, правда... Мне было даже любопытно посмотреть, что ты затеяла...

Делаю шаг назад. Один, второй, но упираюсь лопатками в стену.

– Что вы имеете в виду? – спрашиваю бесцветным голосом.

Андрей подбирается ближе и нависает надо мной.

– Ну я же не идиот, девочка Лера. Я знаю, кто ты такая. Зачем ты искала меня? Отомстить решила? Отыгаться? Мне просто интересно, с чьей подачи эта мысль пришла тебе в голову?

Серый взгляд режет сталью. На мелкие куски. Разрывая плоть. От этой боли хочется взвыть, но я держу спину прямо и не отвожу взгляда.

– Отомстила бы, если бы знала как, – произношу медлен-

но, тщательно выверяя каждое слово. — Да только ничего эта глупая месть не исправит. Из-за вас умер мой отец. Я сама пришла к вам, не он отправил. Сама. Дурацкую расписку найти хотела, а вместо этого... Впрочем, неважно. Мой папа ничего не знал, но вы позвонили ему, и он умер. Сердце не выдержало. Но и этого вам было мало... Вы не вернули долг. Вы разорили меня. Я осталась на улице... в прямом смысле слова. И последнее, чего я хотела, это когда-либо снова вас видеть. Но у судьбы весьма забавное чувство юмора... И из нескольких миллиардов мужчин на планете именно вы оказались отцом моей единственной подруги...

Бью ладонями в широкую мужскую грудь, и он отходит, освобождая мне проход. Ухожу быстро, не оглядываясь на него. А он не пытается остановить. Правильно, незачем. То и дело смахиваю струящиеся слёзы, даже не переодеваюсь, лишь накидываю поверх форменного платья пальто и убираюсь подальше от него.

Для меня очевидно, что теперь я осталась без работы. А вскоре он наверняка вынудит Леру выставить меня из дома. Но всё, что меня интересует, это почему Хмурских сразу не сказал, что помнит меня? Зачем продолжал ломать комедию?

На следующий день я сижу на парах, нервно сгрызая ногти и карандаши, и размышляю, что делать дальше. Стоит ли мне приехать в кафе сегодня, в свой выходной, чтобы получить расчёт? Или же лучше заявиться туда в свою смену?

Ещё я с содроганием жду того момента, когда Лера заведёт со мной неприятный разговор, но как назло девушка вчера вернулась слишком поздно, а сегодня укатила ни свет ни заря, да ещё и прогуливает учёбу.

Но все мои тяжкие раздумья прерывает телефонный звонок. Диана.

“Ну, вот. Началось”, – думается мне, но трубку я поднимаю.

– Алло?

– Валерия, добрый день! – добродушно приветствует меня женщина. – Извини, что беспокою в твой выходной. У нас небольшая накладка, Вера заболела и не вышла, а Софье нужно забирать ребёнка из садика. Сможешь отработать лишние смены, пока Вера не поправится?

– Эм, – протягиваю я и зависаю. Андрей ничего не сказал ей? Получается, что так. – Да, хорошо. У меня как раз закончились занятия, скоро буду.

– Спасибо, Лера! – с облегчением выдыхает Диана, и мы прощаемся.

Остаток дня я с содроганием жду встречи с владельцем кафе, но её не происходит. Как и на следующий день. Как и через неделю. От этого нервного ожидания у меня зудит всё внутри, и вскоре я не выдерживаю.

Лера как раз пакует чемодан – уже послезавтра она улетает в своё модельное турне. В разгар подготовки к сессии, бросив меня справляться со стрессом в виде её папочки, ку-

да-то запропастившегося, до конца новогодних праздников, которые мне предстоит провести в одиночестве в её квартире... Но сейчас она неторопливо просматривает вещи в шкафу и откладывает что-то для поездки.

Я плюхаюсь на край кровати и вздыхаю.

– Слушай, Лер... Как думаешь, твой отец не будет против, что я останусь одна в твоей квартире?

Подруга отрывается от своего занятия и с удивлением смотрит на меня.

– Ты чего, Лерон? Всё нормально. Я же тебя сама пригласила пожить у меня.

– Ну просто вдруг он сочтёт, что чужому малознакомому человеку не стоит гостить в отсутствии хозяйки?..

– Папа прекрасно знает, куда отправится со своими советами, если вздумает меня поучать по такому поводу, Лер. Не переживай насчёт этого. – Она критично осматривает несколько платьев и снимает с плечиков одно. – Тем более я с ним разговаривала. Он пока занят своим клубом в Сочи и ещё какими-то делами... Даже пока не знает, когда вернётся...

Так вот, где пропадает Хмурских? Не хочу думать, почему так спешно уехал после нашего разговора... В голове, конечно, имеется парочка идей, но они кажутся фантастическими. Слабо верится, что у Андрея вдруг пробудилась совесть или что-то типа того. Скорее, что он торопится избавиться от украденного у меня состояния и бизнеса. Абсолютно глу-

пое занятие, ведь я ничего не могу сделать и никаких доказательств у меня нет.

Вскоре Лера улетает, обещая быть на связи в любое время, и я остаюсь один на один со своими переживаниями. Я уверена, что как только Хмурских вернётся, он тут же поспешит избавиться от моего присутствия в своей и Лериной жизни.

Проходит ещё целая неделя ожидания действий мужчины, и только в непогожий воскресный день, когда посетителей в кафе практически нет и сотрудников раз, два и обчёлся, он входит в зал, отыскивает меня взглядом и движется прямым к бару.

Ой, мамочки! Все внутренние установки, все приготовления летят к чёрту. Я абсолютно не готова к этой встрече! Но Хмурских останавливается прямо напротив и невозмутимо говорит:

– Здравствуй, Лер. На пару слов в мой кабинет.

Я беспомощно озираюсь по сторонам, словно кто-то в целом мире может мне помочь, и выхожу из-за барной стойки, снимая фартучек.

Андрей жестом предлагает мне пройти вперёд. Боится, что сбегу? Нервный смешок слетает с губ, и мужчина берёт меня под локоток, направляя в сторону кабинета. Открывает дверь, и я вхожу.

Дверь за спиной закрывается с тихим щелчком. Хмурских огибает меня, застывшую посреди кабинета в нерешительности, и садится в своё глубокое кресло, доставая из папки

какие-то документы.

– Садись, поговорим.

Я подчиняюсь. Раз уж этот разговор неизбежен, нечего откладывать его.

Занимаю стул по другую сторону стола и поднимаю взгляд на мужчину.

Он протягивает мне лист.

– Что это? – спрашиваю у него, бросив быстрый взгляд на текст.

– Банковская выписка, которая подтверждает, что я перевёл сумму долга на расчётный счёт твоего отца, но перевод вернулся из-за какой-то внутренней ошибки в работе моего банка. – Он протягивает мне следующий лист. – Эта выписка подтверждает, что я перечислил сумму долга во второй раз на реквизиты счёта твоего отца несколькими днями позднее. Они благополучно были зачислены... и списаны в тот же день на сторонний счёт, доступ к которому имели несколько его сотрудников по доверенности твоего отца, подписанной примерно за сутки до смерти.

Я внимательно изучаю документы и поднимаю непонимающий взгляд на Андрея.

– Что это значит?

– Я нехороший человек, Лер. Но я всегда честно веду свои дела. У нас с твоим отцом были определённые договорённости, которые я полностью выполнил. Возникла небольшая накладка, но в этом не было моей вины.

– Я не понимаю... – шепчу я.

– Да чего непонятного? – вздыхает он. – Меня взбесили твои претензии, девочка Лера, и я потратил несколько дней на общение с разными людьми. С доктором твоего отца, например. Ты знала, что у твоего отца более года были проблемы с сердцем? Ему было предписано снижение нагрузок, отдых, диета, отказ от алкоголя... Ты знала, как он предпочитал развлекаться?..

Я поджимаю губы. Знала, конечно. Догадывалась, по крайней мере. Папа много лет был вдовцом. Домой баб не таскал, но периодически уезжал куда-то на выходные. Любил хороший виски и выдержанный коньяк. Каждый вечер непременно приговаривал несколько стаканов. И никогда не ограничивал себя в еде, потребляя много жирного мяса на завтрак, обед и ужин. Всегда смеялся, что мужик не может не любить хорошее мясо. Но при этом папа и нянюшка всегда велели мне придерживаться правильного питания.

– Он просил меня вернуть долг досрочно. – продолжает Хмурских. – Подозреваю, именно тогда у него начались проблемы с бизнесом. Деньги у меня имелись, и я закрыл долг, забрал расписку, но деньги вернулись на мой счёт. Я связался с твоим отцом и пообещал разобраться в ситуации в ближайшее время.

– Но он загремел в больницу с сердечным приступом. – вставляю я. – Я думала, это из-за того, что вы кинули его на деньги...

– Ты ошиблась. – холодно отвечает мне. – Пока он был в больнице, подписал доверенность на доступ к рабочему расчётному счёту, куда перенаправили упавшую сумму долга от меня.

– Почему тогда его сотрудники не закрыли долги отца? Почему я осталась без денег? Мне пришлось продавать всё, чтобы рассчитаться с его долгами...

– Я не знаю, Лер. Деньги обналичили в тот же день через левую контору. Но это был точно кто-то из сотрудников Георгия Григорьевича.

– Почему я должна вам верить? – спрашиваю у него. – Папа умер из-за вашего звонка! Он никогда не сможет подтвердить или опровергнуть ваши слова.

Он пожимает плечами.

– Не должна, Лер. Я тоже мало кому верю. Пальцев одной руки хватит... – он ненадолго замолкает, пока не начинает говорить вновь: – И тебе я не верил. Считал, что отец тебя подослал, затеяв какую-то свою игру. Поэтому и решил проучить вас обоих. Но всё, что я сделал, это воспользовался ситуацией и позвонил твоему папе.

Он не говорит, что ему жаль. Не сожалеет. Не сочувствует. И даже не просит прощения за то, что просто воспользовался *ситуацией*, воспользовался мной. И, наверное, я не должна ему верить. Но почему-то верю. Словно шестым чувством ощущаю, что в этом он мне не врёт.

– И что теперь? – спрашиваю у него.

– А что теперь? – удивляется он.

– Что мне делать? Придётся уйти с работы? Это же очевидно, что я не могу работать на вас...

– Да что хочешь, то и делай, – бросает он. – Хочешь, увольняйся, хочешь, продолжай работать дальше... Мне всё равно. Как я и сказал: решишь остаться, место управляющей за тобой. И это не потому, что я пытаюсь откупиться от тебя.

Уголок его губ дёргается в усмешке, словно его забавит сама мысль, что я вздумаю его шантажировать.

Я поднимаюсь.

– Тогда я пойду?

– Иди. – равнодушно пожимает он плечами.

Хмурских не смотрит на меня, начиная просматривать что-то в своём телефоне, и я тороплюсь смыться из его кабинета. Мне есть о чём поразмышлять, прежде чем я приму окончательное решение.

Глава 6

Следующие недели проходят в загруженности. С утра до ночи каждую свободную минуту я мониторию сайты в поисках работы, но даже несмотря на несколько собеседований, куда меня приглашали за это время, особых успехов в моих поисках нет. Я усиленно готовлюсь к сессии, продолжаю работать в кафе Хмурских и жить в квартире его дочери, с которой мы созваниваемся по видеосвязи каждый вечер, невзирая на разницу во времени. А вот самого Андрея я практически не встречаю. Лишь изредка появляясь в кафе, он сразу закрывается в кабинете и не покидает его до самого конца рабочей смены. Иногда к нему заходит Диана и проводит там по несколько часов, и девочки вокруг с удовольствием обсасывают всякие сплетни об этой паре. Мне не нравится слушать по десять раз на дню, *какон её и в каких позах*, поэтому я стараюсь держаться подальше от коллег.

Под Новый год в кафе закатывают корпоратив, куда Диана приглашает всех сотрудников, и мы впервые за несколько недель сталкиваемся с Андреем Константиновичем лицом к лицу. Но он предпочитает никак не выделять меня из общей массы своих сотрудниц. Лишь сдержанно кивает в знак приветствия. Я должна испытывать облегчение, что, несмотря на непростую историю нашего знакомства, он не торопится избавиться от меня, когда я всё никак не могу подыскать но-

вое место работы, но всё равно невольно ожидаю момента, когда мне укажут на дверь. И в этом ожидании я откладываю каждую копейку, чтобы у меня была возможность оперативно решить свои проблемы.

В своём одиночестве я всё чаще думаю о его словах. О том, что кто-то из сотрудников моего отца провернул свои грязные делишки и лишил меня наследства. Подумываю даже обратиться к Марату, но пока не решаюсь. Что я могу ему сказать? Что поверила человеку, из-за которого умер мой отец?

Праздник затягивается. Почти весь вечер я стою в стороне, разглядывая танцующих и веселящихся девчонок и сидящих в отдалении за отдельным столиком Андрея и Дианы. Женщина пьёт вино и много смеётся, и мне думается, что, возможно, официантки правы и их связывают не совсем рабочие отношения.

После вечеринки я иду на остановку и жду поздний автобус. Бесшабашные коллеги разъехались на такси в поисках последующих приключений, кто-то поспешил вернуться домой. Одна я замешкалась, чтобы помочь с уборкой, и вышла в числе последних. Да ещё и решила сэкономить на такси.

Ещё издали замечаю вырливающую с парковки машину Хмурских и надеюсь, что он проедет мимо. Но он тормозит возле меня, переднее пассажирское окно ползёт вниз, и я вижу Диану.

– Валерия, давайте мы вас подвезём, – предлагает она.

Я хочу отказаться, но Андрей выглядывает из-за женщины и говорит:

– Нечего мёрзнуть, Лер, поехали.

И я быстро забираюсь в машину, лишь бы не спорить посреди улицы.

– Не против, если сначала Диану закинем? – спрашивает Андрей, и я пожимаю плечами. Мне-то какое дело?

– Это кажется мне логичным, ведь мы в какой-то степени соседи, – вежливо отвечаю.

Диана, если и удивляется такому повороту, вида не показывает. Сидит в своём телефоне всю дорогу, пока я смотрю в окно на огни ночного города.

Но стоит нам затормозить возле современного дома в отдалённом районе Москвы, она говорит:

– Пока, Андрюш. Лера, до свидания! До встречи в новом году!

– До свидания, – прощаюсь я. И, когда Андрей плавно трогает с места, с любопытством спрашиваю у мужчины: – Диана пошла в отпуск?

– Что? – переспрашивает он. Я краснею и повторяю свой вопрос:

– Диана уходит в отпуск? Извините за неуместное любопытство... Просто так много сотрудников взяли отпуска и отгулы...

– А, ничего страшного. – отмахивается он. – Да, Диана завтра улетает до конца праздников. У неё же семья, она каж-

дую неделю к ним летает.

Мужчина произносит это так обыденно, будто это всем известный факт. Я не нахожу, что ещё сказать, поэтому молча смотрю в окно.

– Ты взяла много рабочих смен в праздничные дни, – тихо замечает мужчина.

– Мне всё равно нечем заняться, – смущённо отвечаю ему. Факт того, что ему знаком мой график, немного волнует меня.

– Разве ты не планируешь провести время с друзьями, по-видать родных? – интересуется он.

– У меня нет родных, – чересчур резко говорю ему. – У меня есть только один друг. Лера. Но, как известно, она в отъезде до конца праздников.

– Понятно.

Я бросаю взгляд в зеркало заднего вида и натываюсь на взгляд Андрея. Серьёзный, сосредоточенный, он буквально впивается в мои глаза, и я поспешно отвожу их в сторону. И для верности прикрываю. Да так и засыпаю, согретая в теплоте салона, под тихую музыку и аккуратную езду.

– Лер, приехали, – будит меня голос Хмурских. В следующее мгновение горячая широкая ладонь ложится на моё колено, и меня бросает в жар, который распространяется со скоростью света от места прикосновения, и я распахиваю глаза. – Ты заснула. Мы приехали.

Рубит словами грубо. И не убирает руки. Спросонья я не

могу связать эти два факта воедино, они совершенно не вяжутся вместе. Я непонимающе смотрю в лицо мужчины, и он повторяет немного хрипло:

– Мы уже приехали, Лер. Возле твоего подъезда.

Рука исчезает, и я застёгиваю пальто.

– Спасибо, что подвезли, Андрей Константинович.

– Не за что.

Я выбираюсь наружу.

– Спокойной ночи, Лера! – летит мне в спину.

– И вам спокойной ночи, – пишу я в ответ, перед тем как хлопнуть дверцей.

Быстро забегаю в подъезд, ощущая прожигающий спину взгляд, и только там замедляюсь. Подхожу к окну и выглядываю: Андрей продолжает стоять на том же месте.

Задумчиво кусаю губы и иду к лифтам. Поднимаюсь в квартиру. И сразу бросаюсь к окну в кухне, попутно включая везде свет. Выглянув, обнаруживаю, что Хмурских продолжает стоять на подъездной дорожке. Но практически сразу плавно трогает с места, словно только и ждал, пока в моих окнах не загорится свет.

Эта мысль звучит настолько бредово, что я тихо смеюсь. И, кажется, впервые за долгое время не испытываю яркой ненависти к этому мужчине.

Под вечер 31 как-то само собой получается, что в кафе остаёмся мы вдвоём. Неожиданный наплыв посетителей за полчаса до закрытия вынуждает меня постучать в дверь ка-

бинета владельца.

Услышав позволение войти, я заглядываю внутрь.

– Андрей Константинович, у нас аврал. Можете встать за бар?

Мужчина отрывается от ноутбука, потирает переносицу и кивает:

– Я приму заказы, а ты лучше раскладывай на выдачу.

Большинство заказов – блюда и десерты на вынос, поэтому мы справляемся быстро. Закрыв дверь за последним клиентом, Хмурских бросает взгляд на часы и говорит:

– Давай закругляться, Лер. Я подвезу тебя домой.

Я быстро прибираю в зале, переодеваюсь и выхожу к ожидающему меня мужчине, и мы выезжаем. Несмотря на поздний вечер, на морозных улицах ещё полно народа, словно и не канун праздника вовсе. У меня вообще нет ощущения волшебства и сказки, как было в детстве. Я давно уже не верю в Деда Мороза, в то, что мечты сбываются; в моей жизни больше нет чудес.

– Какие планы на ночь? – неожиданно спрашивает Хмурских, когда мы уже подъезжаем к жилому комплексу.

– Никаких, – пожимаю я плечами. – Лягу спать, как только пробьёт полночь. Завтра же на смену.

– Как же скучно ты живёшь, Лер, – с усмешкой поддразнивает меня мужчина. – Давай-ка ты не будешь киснуть одна в новогоднюю ночь? Принарядись, я заеду за тобой без пятнадцати одиннадцать.

– Нет?.. – неуверенно начинаю я. Почему-то то, что должно быть твёрдым ответом, звучит как вопрос.

– Да. Не спорь, иначе утащу прямо в пижаме.

Его предложение немного волнует меня. Как и шуточное обещание. Чувствуя, как щёки начинают пылать, я поджигаю губы, так и норовящие расплыться в смущённой улыбке.

– И куда вы меня повезёте? – спрашиваю у него.

– Вкусный стол, хорошая компания и танцы, – загадкой отвечает он. – Думаю, этого вполне достаточно, чтобы выбрать подходящее платье. – Он останавливается напротив подъезда дочери. – Собирайся, Лер. Будет весело.

Я добегаю до подъезда и машу ему на прощание, но Андрей всё равно дожидается пока я не войду. Бросившись к окну кухни, вижу, как он трогается с места, и начинаю собираться.

Торопливо принимаю душ и брею ноги. Высушиваю волосы, делая укладку. Наношу макияж поярче.

В моём шкафу нет подходящей случаю одежды, поэтому я нахожу на одной из дальних полок Лериного шкафа серебристое платье, о котором, я уверена, подруга давно позабыла, и без зазрения совести надеваю его. Прохладный атлас струится по телу, подчёркивая сложенную фигурку, и я впервые за долгое чувствую себя красивой девушкой.

К назначенному времени я полностью готова. Немного нервничаю, но больше от предвкушения, чем из-за страха. То ли я устала от одиночества и нуждаюсь в компании, то ли

по каким-то другим причинам, я рада, что мне не придётся встречать Новый год в одиночестве.

Но Андрей не появляется ни без пятнадцати, ни без десяти, ни ровно в одиннадцать вечера. Ни даже к половине двенадцатого. От волнения я не нахожу себе места. Слоняюсь по дому, часто подходя к окну, и не хочу верить, что он просто забыл о своём обещании. Но всё чаще прихожу к этому выводу.

Внезапный звонок от Леры окончательно выбивает из колеи: мы обмениваемся поздравлениями и пожеланиями, она торопливо рассказывает, какой шикарный ресторан арендовали для их коллектива, и абсолютно неожиданно для меня интересуется, не известно ли мне, где её отец, потому что она не может до него дозвониться. Я отвечаю, что последний раз видела его в кафе, но внутри меня зреет тревога.

Мало ли что могло случиться! В такое время живём, что по голове могут тукнуть из-за ста рублей, а Хмурских привык жить в роскоши. Одни его часы потянут на годовую зарплату обычного работяги!

Закончив разговор с его дочерью, я решаю прогуляться на другой конец жилого комплекса, к его дому. Просто посмотреть есть или нет машина на парковке, не валяется ли мужчина где-то в кустах с пробитой головой, горит ли свет в его окнах...

Так я успокаиваю себя, когда быстро пересекаю дворы, хотя всё внутри бунтует от этой глупости.

Я уже почти дохожу до дома Хмурских, когда мимо меня проносится машина с громкой музыкой. Машина, подозрительно напоминающая его. Но я упрямо огибаю дом и застываю на краю парковки, в центре которой как раз из той самой машины выпрыгивает пошатывающаяся девица в распахнутой шубке. На ней короткое обтягивающее платье вызывающе алого цвета. Она пьёт шампанское прямо из горла бутылки. И вскоре к ней присоединяется Андрей.

Испытывая неясное и абсолютно нелогичное разочарование, я наблюдаю со стороны, как он приобнимает её за талию и ведёт к подъезду. Любому дураку понятно, с какой целью он привёз её домой, и мне хочется как следует треснуть себя по голове.

Дура. Какая же я дура! Ведь прекрасно знаю, что он за человек, и всё равно продолжаю на что-то надеяться и верить в чудо.

Обратно я плетусь, еле переставляя ноги. Внутри разливается горькая обида, которая грозит хлынуть подкатывающими к глазам слёзами. Но я сжимаю челюсть и мысленно твержу себе: “Не вздумай реветь, не из-за него! Разве это новость, что Андрей Хмурских – последняя скотина?”, но легче не становится.

Дома я укутываюсь в одеяло прямо в платье и считаю хлопки от салютов за окном, чтобы отвлечься от разрушающих мыслей.

Постепенно фейерверки стихают, но рой зудящих слов

моего сознания не смолкает. Почему он так поступает со мной? Зачем даёт обещание и тут же о нём забывает? Ведь мне ничего не нужно. Ничего. Я не вынуждала его, не тянула за язык. Он сам позвал меня, а потом... Потом просто выкинул своё предложение из головы и нашёл какую-то другую дуру!

Я впадаю в странную апатию. С одной стороны, мне хочется плакать от жалости к себе. С другой – в глазах сухо. Бесконечный поток мыслей в голове не даёт уснуть, и я просто лежу, глядя на часы.

Около двух со стороны двери раздаётся неясный шорох, а следом – тихий стук. Я сажусь на кровати, с подозрением прислушиваясь. Стук повторяется, и я выбираюсь из теплоты одеяла и подкрадываюсь к двери, заглядывая в глазок. Да вы издеваетесь?!

За дверью стоит Хмурских. Ну, как стоит? Едва ли держась на ногах, он периодически ударяется головой об эту самую дверь, отчего по коридору разносится тихий стук. Я поджимаю губы и отпираю замок.

Едва не свалившись мне под ноги, Андрей всё же удерживается, вовремя ухватившись за косяк. Расплывается в пьяной улыбочке и говорит, раздражающе растягивая слова:

– О-о-о, Ле-е-е-ероч-ка! А чего это ты такая кра-а-а-асивая? Ждёшь кого-то? – Я молчу, а он по стеночке проходит вглубь коридора, останавливаясь рядом со мной. – Упс. Не упал.

Мужчина нелепо пожимает плечами и ухмыляется. Стягивает распахнутое пальто, пытается снять ботинки и чуть не валится на пол – я вовремя успеваю его подхватить.

– Я так устал, Лер, – бормочет он. – А ты почему не спишь? Разве таким маленьким девочкам можно не спать так поздно ночью?

– А я и спала, – вру ему. – Пока вы не пришли.

– Спала? – недоверчиво присвистывает он. – Такая вся нарядная? Не верю. Ты явно кого-то ждёшь!

Его указательный палец взмывает вверх и указывает мне в лицо.

– Ждёшь? – спрашивает он, и я вздыхаю.

– Если скажу, что жду, вы уйдёте?

– Нет. Не уйду.

– А если скажу, что не желаю вас видеть?

– Почему? – спрашивает Андрей, сводя глаза вместе, что, очевидно, должно означать, что он хмурится.

– Потому что я действительно ждала. Вас. – говорю ему строгим тоном. – Это вы пригласили меня, а сами не пришли!.. Вы могли хотя бы предупредить, что у вас изменились планы, чтобы я не сидела и не ждала!

– Не пришёл? – хмыкает он. – Вот ты, а вот он я!

Он озадаченно осматривает меня, потом себя и заключает:

– Пришёл.

– Спустя три часа! – повышаю я голос, а голове проно-

сится: “Когда уже не надо!”. – Так никто не поступает! Вы не должны были вообще никуда меня приглашать. Я вас за язык не тянула! И вместо того, чтобы просто лечь спать, я проторчала в этом дурацком платье весь вечер! А вы заваливаетесь пьяный, после очередной подружки на одну ночь, ещё и издеваетесь!

– Да потому что ты у меня уже знаешь где? – перебивает Хмурских.

– И где же?

– В печёнках! – бросает он со злостью, но показывает на свою голову. – В печёнках сидишь! Кап-кап-кап... Как капля надоедливая. Мозги выносишь. Зудишь и зудишь, зудишь и зудишь.

– Великолепно! – поджимаю я губы. – Это очень классно обвинять меня в собственном неумении сдерживать обещания, Андрей Константинович, но, ей-богу, я отправляюсь в постель! А вы тут как-нибудь сами.

Громко топая, ухожу из коридора. Однако замедляюсь, прислушиваясь к возне. И тороплюсь вернуться назад, заслушав грохот от падения однозначно очень тупого предмета.

Хмурских стоит на коленях, пытаясь подняться. Молча подхожу к мужчине и помогаю. Мы доходим до дивана в гостиной, и он обрушивается на него.

– Достала ты меня, Лер, – бормочет Андрей. – Сил моих нет, как достала.

– Так может, стоит просто перестать со мной общаться? – спрашиваю у него. – Я не ваша проблема, не нужно подвозить меня до дома, куда-то приглашать и делать поблажки на работе.

– Наверно, – серьёзно кивает он, задумавшись на мгновение.

Я уверена, что назавтра он не вспомнит ни этого разговора, ни того, как и почему он здесь оказался. И хоть мне до жути интересно узнать причины, по которым Андрей Хмурских вломился ко мне посреди ночи, я виду не подаю.

Пихаю ему в руки подушку и плед и говорю:

– А теперь спать.

– Посиди со мной, Лер, – просит он, скорчив забавную рожицу. – Пожалуйста.

– Нет, Андрей Константинович. – отрезаю я. – Я иду спать. Одна. В свою кровать. Чтобы лишний раз не доставать вас.

– Ну что ты цепляешься к словам? – обиженно спрашивает он.

– Я цепляюсь? Вы ничего не перепутали часом? Вам бы проспаться, Андрей Константинович! Уверена, наутро вы даже не вспомните, зачем приходили...

– Такое забудешь! – жалуется он. – Ты просто маленькая заноза, Лер...

– Да-да, – перебиваю его. – И сижу у вас в печёнках. Поэтому ложитесь-ка баиньки, чтобы я перестала вам докучать.

Ухожу, чтобы не продолжать бессмысленную болтовню. Убираюсь подальше от человека, который абсолютно не понимает, что его действия могут причинять кому-то боль, а его слова могут ранить. Но это Андрей Хмурских. Ему просто всё равно. Всё, что его интересует, это только его собственные желания!

Во всей этой белиберде есть только один неоспоримый плюс: я настолько раздражена на Андрея, что напрочь выбросила из головы все обиды. Мне хочется придушить его во сне! В печёнках я к нему сижу, видите ли! Он даже не представляет, насколько глубокой занозой он сидит в моих!

От злости на его слова я забываюсь. На языке вертятся красочные эпитеты, которые я, впрочем, никогда не решусь ему высказать, но с удовольствием бубню их себе под нос, натягивая пижаму.

Устраиваюсь поудобнее, думая, как странно всё происходящее, но усталость берёт своё, и я проваливаюсь в сон.

Будит меня тихий скрип двери. Я застываю от сковывающего страха, когда матрас рядом проседает, и чувствую навязчивый запах перегара.

Хмурских бесцеремонно заваливается на соседнюю подушку и закидывает на меня руку. Я леденею от ужаса, судорожно соображая, что делать дальше, если он решит воспользоваться ситуацией. Воспользоваться мной.

Он шумно вдыхает запах моих волос и радостно хмыкает что-то неразборчивое, но мгновенно засыпает, прижимая

меня к себе. Мне же не до сна.

Я прислушиваюсь к мерному сопению над ухом до самого рассвета. А едва он начинает дребезжать за окном, тороплюсь выбраться из кровати. Остаток времени дремлю на диване в гостиной. Собираюсь и еду на работу.

День проходит степенно. Ровно до того момента, пока под самый вечер не появляется Хмурских. Он не в духе, и это слабо сказано. На ходу бросает мне: «Лера, кофе!» и закрывается в кабинете, а я тороплюсь налить и отнести ему горячий ароматный напиток. Но у самой двери прислушиваюсь, потому что мужчина разговаривает с кем-то на повышенных тонах.

– Ты знала, как это важно! И что я должен теперь делать? Да ты, вероятно, шутишь?! – он ненадолго замолкает, выслушивая собеседницу. – Ну спасибо! Лучше бы ты приехала. Да понял я, понял. Нет, не нужно. Ладно, давай. Звони мне, хорошо?

Голос за дверью смолкает. Я стучу.

– Входите! – рявкает Андрей, и я боязливо прохожу в его кабинет.

Ставлю перед ним кофе, который он тут же жадно хлебает. Выглядит Хмурских изрядно помятым и явно чем-то озабоченным.

– Вы в порядке? – вырывается из моего глупого рта. Глаза мужчины удивлённо округляются.

– Напомни-ка, Лера, ты кто такая, чтобы я перед тобой от-

читывался? – медленно спрашивает он, и я вспыхиваю. Вот же самодур!

– Это просто банальная вежливость, Андрей Константинович! – От досады я закатываю глаза. – Ну, знаете, когда один человек спрашивает, на самом деле не нуждаясь в ответах, у другого человека, даже если тот другой меньше всего заслуживает внимания...

– Лера задерживается, – неожиданно перебивает он. – Не знаю, в курсе ты или нет, но ей предложили контракт на полгода. И она согласилась.

– Ясно. – тихо вздыхаю я. Уверена, что далее последует уведомление, что я могу подыскивать себе новое жильё.

Но мужчина продолжает:

– Когда она мне просто позарез нужна!.. Так меня подвела, чертовка! Знала заранее, как мне важно её присутствие в поездке к родным, и всё равно поступила по-своему.

Я молчу. Да и что тут скажешь?

– И знаешь, что она мне предложила? – спрашивает он. Я качаю головой. – Предложила взять тебя. Чтобы я попросил тебя сыграть роль Леры на семейном мероприятии!

Голова идёт кругом, и я падаю в кресло.

– То есть как это – сыграть роль Леры? Разве ваши родственники не заметят разницы?

– Они её видели последний раз, когда Лерка ещё под стол пешком ходила, – поясняет он. – Конечно, я покрою все расходы и щедро заплачу сверху.

– Нет, вы что? Я не могу, – качаю я головой.

– А я тебя вообще-то не спрашиваю. – ухмыляется он. – Лера, тебе же нужна квартира? А мне нужна дочь. Так вот, за это небольшое одолжение я куплю тебе квартиру. Дело плёвое: слетаем на неделю к моей родне, ты сыграешь свою роль и получишь собственное жильё.

Я не собираюсь соглашаться. Это же просто... нелепо! Прикидываться дочерью Хмурских я не собираюсь ни за какие коврижки!

– Дел много, времени – наоборот, Лера. – бросает Андрей. – Чем быстрее ты согласишься, тем нам обоим будет проще.

В голове проносится шальная мысль. Я подаюсь вперёд и спрашиваю:

– Могу я попросить вас об ответном одолжении, если соглашусь? Ну, помимо квартиры?

Он впивается в меня своим стальным взглядом и говорит с прохладцей:

– А ты не такая уж и наивная ромашка! Но мне нравится, что ты идёшь на диалог. Чего же ты хочешь помимо квартиры, девочка Лера?

– Вы можете мне узнать, кто из сотрудников отца обчистил счета и оставил меня без копейки денег. – быстро проговариваю я.

Тяжёлый взгляд несколько мгновений буравит меня, после чего Хмурских протягивает руку.

– Договорились.

Чувствуя, что совершаю очередную ошибку, связанную с ним, я тем не менее деловито пожимаю его пальцы.

Глава 7. Андрей

Девятичасовой перелёт подходит к концу, и Лера расслабленно спит, уткнувшись в моё плечо. Умаялась.

Я вижу, что она на взводе. С того момента, как мы заключили наше деловое соглашение, скрепив его рукопожатием, и до самого вылета, когда пути назад точно не осталось, я видел, как страшно ей пускаться в эту авантюру. Но она храбрилась, попутно пытаясь уговорить мою дочь вернуться домой, а потом одномоментно приняла неизбежное, собралась, взяла себя в руки. Смешная!..

– Лера, пора, – тихо бужу девушку, проводя пальцами по изящной кисти. Кожа на ощупь гладкая и прохладная, словно лепесток розы, и я торопливо убираю от неё свои руки и отгоняю прочь непрошенные мысли.

Длинные ресницы подрагивают, привлекая моё внимание, и через мгновение Лера открывает глаза, сонно жмурясь. Тут же поспешно отстраняется, немного краснея. Смущается, стало быть, что продрыхла на мне несколько часов? Не могу сдержать усмешки от этой мысли, и девчонка смущается ещё больше.

Я дожидаюсь, пока основной поток пассажиров не схлынет, извлекая ручную кладь и стягиваю джемпер. Лера зачарованно очерчивает край задравшейся поло, и я дразняще говорю:

– Думаю, тебе тоже стоит раздеться.

– Хорошо, – пищит она и быстро стягивает толстовку.

Осматривая её, не могу удержаться:

– О, да у нас фэмили лук! Идеальный выбор, дочка!

– Спасибо, *папочка*! – ярко улыбается она, и я считаю,

что на этом обмен любезностями может быть официально завершён.

– Почапали на выход, красотка, – говорю ей, пропуская вперёд.

Скромные джинсы идеально обтягивают упругий зад, притягивая против моего желания взгляд. Точнее, желание поглядеть имеется. Бешеное. Только неуместное в данных обстоятельствах. Глупо будет спалиться перед дражайшими родственничками из-за разгулявшегося либидо. Хотя разгуляться ему есть где, и это невозможно игнорировать.

Лера для меня – что кость в горле. Девочка, которая кончала от моих ласк. Девочка, которую я не трахнул из-за принципов. Искры из глаз сыпались, едва сдержался, но отпустил и забыл о её существовании, пока не увидел в собственном кафе. А с тех пор, как снова встретил, только и мечтал нагнуть над столом. Или прижать к стене. Или взять прямо на барной стойке.

Диана считает, что некая незаконченность действия порождает во мне заикленность, навязчивые состояния, а Лера, в какой-то степени, мой личный триггер, но я не верю. Давно не верю в эти её психологические штучки. Просто хо-

чу трахнуть девку, которую ввиду обстоятельств не поимел тогда. Но это желание для меня настолько привычно и обыденно, что я превосходно справлюсь с ним и без поучений Дианы. Я уверен, что справлюсь. Пусть это и даётся с трудом и не без последствий для привычной жизни.

В конце концов, я управляю членом, а не он мной, поэтому Лерина сладкая узкая дырка останется мною не тронута. По многим причинам.

Абстрагируясь ото всех этих мыслей, которые ничего, кроме зудящего в голове раздражения и моментальной эрекции, не вызывают, я нагоняю девушку и прошу:

– Давай ещё раз пробежимся по именам родни.

– Дедушка Ульрих, бабушка Анна, – послушно повторяет Лера. – Ваши дядя и его жена. Детей у них нет. Ульрих – родной брат вашего отца. Живут на вилле в окружении стервятников...

– Лера! – раздосадовано качаю головой, и она хихикает, одновременно забавляя и вымешивая меня. – Давай, пожалуйста, посерьёзней.

– Простите, я немного нервничаю, – отзывается она. – Но я всё запомнила.

– Точно?

Девушка закусывает губу и медленно кивает.

– Вообще-то, я отличница.

– Супер, ты молодец, – равнодушно хвалю её, усмиряя собственные взбунтовавшиеся нервы. Так и подмывает ска-

зать какую-нибудь пошлость в духе старшей школы. Но дурацкая фраза: “Молодец, соси конец”, впрочем, единственная приходит на ум. Попахивает кретинизмом. Во многом благодаря этому мне удаётся смолчать. Какой же я... *молодец!*

Громко хмыкаю, и Лера настороженно смотрит на меня.

– Я серьёзно всё запомнила. Вам не о чем переживать.

– Выбора у меня всё равно уже нет, – замечаю, начиная осматриваться по сторонам.

Где-то здесь, в залитом солнечным светом зале прилёта, нас должен поджидать водитель дяди. И он действительно быстро обнаруживается.

– Ну, давай, сладкая, – взяв Леру под руку и направляя в нужную сторону, говорю тихо. – Не подведи.

Уверен, в скором времени – и если всё пройдёт успешно – мне светит нехилый куш. Отсюда и требование дядюшки привезти с собой дочь. А своё упускать я не собираюсь ни при каких обстоятельствах!

Примерно через полчаса мы погружаемся на белоснежную яхту и плывём к острову. Всю дорогу Лера нервно сжимает поручень, стоя на открытой палубе и вглядываясь в пересекаемую водным транспортом лазурь, а я смотрю на неё, сидя в прохладе у бара и попивая охлаждённый коктейль. Девушка выглядит рассеянной. Возможно, всё ещё никак не придёт в себя после перелёта и сна, может, пытается угадать, куда мы плывём, а может, и вовсе оценить стоимость этой

плавучей посуды и гадает, сколько денег у моих родственников, чёрт её знает. Но вскоре мне становится скучно, и я выхожу под палящее солнце. К ней.

– Ты тут ещё не запарилась, Лер?

– Нет, – качает она головой. – Напротив, приятно оказаться в лете посреди серой московской зимы.

– Бывала прежде на Мальдивах? – Встаю рядом, игнорируя все разумные мысли о соблюдении какой-никакой социальной дистанции.

– Нет, не бывала. – отвечает она и добавляет чуть тише: – Папа считал поездки на море, когда ты сам живёшь у моря, пустой тратой денег. – Она коротко усмехается, глядя прямо мне в глаза. – Так что в этом плане мне повезло, что у меня появился другой временный папа. А то так бы ни разу в жизни и не увидела Мальдив!

В её голосе звучит ирония, и я смеюсь. То ли от внезапной жары, то ли от слабоалкогольного коктейля она кажется мне весёлой и симпатичной. Настоящей красавицей с острым язычком, которому я нашёл бы парочку занятных применений.

– Может, ты хочешь освежиться? – спрашиваю, чтобы не думать об её языке в собственном рту. Но тему выбираю снова неудачную. – Здесь есть душ и бассейн с пресной водой.

– Я дождусь, пока мы не доберёмся, и приму душ на вилле вашего дядюшки, спасибо. – отвечает она застенчиво.

От ослепительного солнца и обилия голубого вокруг её

глаза становятся невероятно яркими, совсем не такими, какими я их помнил. Вся она как-то вдруг преобразилась, словно окружающее великолепие начало подсвечивать её, но свечение это шло будто изнутри. Пухлые губки слегка открыты, на щеках румянец. Возможно, так действует на неё жара или... моё присутствие поблизости?

Меня заводит эта мысль. Мне хочется, чтобы её смутила моя близость, чтобы она причиняла ей дискомфорт. Ведь рядом с ней я постоянно заведён.

И чтобы не заводиться ещё больше, я пожимаю плечами. – Как знаешь, – говорю ей и тороплюсь укрыться внутри. Лично мне сейчас холодный душ не помешает!

Яхта причаливает к пирсу, и мы с Лерой пересекаем полосу песчаного пляжа и следуем по вымощенной дорожке под высокими пальмами до бунгало.

Возле бассейна в шезлонге нежится Кристина, какая-то троюродная внучатая племянница тётки Анны или вроде того. Если не вдаваться в излишние подробности, приживалок и нахлебников тут хватает.

– О-о-о, – лениво протягивает молодая женщина в чрезмерно откровенном купальнике. От её движений грудь так и норовит выскочить из чашек лифа, и я не без интереса концентрирую взгляд в этой области. – Какие люди и без охраны!

Крис шустро вскакивает на свои бесконечные стройные ноги и без тени смущения повисает на мне.

– Наконец-то ты почтил нас своим визитом! – кокетливо выдыхает она мне в лицо, прижимаясь чуть теснее, отчего на моей футболке расплываются круглые пятна от её огромных шариков. Она звонко расцеловывает меня и замечает Леру.
– А это кто?

Что ж, пьеса абсурда начинается.

Акт первый. У бассейна.

– Кристин, рад наконец представить тебе свою дочь Валерию! – с улыбкой пропеваю я, притягивая Леру к нам и таким образом оттесняя саму Крис. Приобняв дрожащие от напряжения плечи, целую Лерину макушку. – Вот уже какая взрослая красавица выросла.

– Мне очень приятно познакомиться с вами, Кристина, – тихо произносит Лера, обнимая меня в ответ. Крохотная ладошка скользит по пояснице, случайно съезжает ниже, спешно возвращается на место...

– Ладно, Крис, – быстро проговариваю я. – Пойдём скорее встретимся с остальными, а то ещё в порядок себя привести нужно. Поболтаем позднее.

Активно тяну Леру в дом, испытывая неловкость от незапланированного возбуждения. Нужно держать себя в руках. Нельзя прикасаться к этой занозе. Это совсем никуда не годится, если кто-то заметит, что у меня стояк якобы на собственную дочь.

После краткого знакомства с домочадцами, во время которого Лера преимущественно смущённо отмалчивалась,

тётка Анна сама провожает нас в выделенные апартаменты.

– Я решила, вам двоим будет спокойней по соседству, – улыбается седовласая живенькая старушка, распахивая одну из дверей в коридоре второго этажа. – Всё это крыло ваше, Андрюш. Здесь небольшая комната отдыха, две спальни, уборная. Надеюсь, места хватит.

Я бросаю быстрый взгляд на Леру, которая с ужасом смотрит вглубь помещения за тёткой Анной. Я и сам, признаться, малость не ожидал такого тёплого гостеприимства. Никогда не думал, что дорогие во всех смыслах родственнички подложат мне самую настоящую свинью и поселят нас в отдельном крыле виллы, в апартаментах, размером со скромную трёшку.

Так близко. Так опасно. Так будоражаще.

– Спасибо, тётя, – благодарю её. Мой тон меньше всего напоминает искренний, но понимает это только Лера.

– Ну что ты, Андрюшенька! Это такая малость – создать комфорт для вас, когда вы наконец соизволили приехать в гости!

Её слова меня смущают. По сути, единственные родные мне люди, и те с годами не молодеют, а я не бывал здесь практически десять лет.

– Дела, – протягиваю я. – Дела.

– Ох, уж мне эти ваши дела! – журит Анна добродушно.

– Иногда и отдых от них нужен.

– Ну вот сейчас и отдохнём, – смеюсь я, и Анна прощает-

ся с нами до ужина. А стоит ей скрыться из виду, как я обращаюсь к Лере: – Можешь выбрать себе спальню по вкусу.

Девушка стреляет в меня быстрым взглядом, поджимая губы. Не нравится, стало быть, такое соседство? Непроизвольно закатываю глаза и прохожу в уютную гостиную, располагаясь на диване.

– Не стой в коридоре, сладкая, – поторапливаю Леру. – Мы же не хотим вызвать подозрений, верно?

Громко топая, она переступает невысокий порожек и плотно прикрывает дверь. Осматривает одну спальню, потом другую, но выбирает первую – с видом на пальмы и виднеющийся между ними пляж. Девочки такие девочки!..

– Можешь пойти первой в душ, – предлагаю великодушно, и она боязливо кивает.

Скрывается в спальне, долго там копошится, запирается в уборной, вызывая лёгкую усмешку на моём лице, и я откидываюсь на спинку дивана, прикрывая глаза.

В голову настойчиво лезут непрошенные воспоминания о Лере, сидящей на столе в моём кабинете. Когда охрана сообщила о проникновении, меньше всего я ожидал увидеть там дочь своего конкурента. Должен был выставить сразу, и чего не сдержался? Но не сдержался. Хотел наказать – и за дерзкую попытку как-то спровоцировать меня, хоть я и не мог понять как; и за прерванное свидание... Разве мог я предположить, что полтора года спустя мне придётся коротать с ней время в такой тесной близости? Наказал, называется. А теперь

сам не могу найти покоя.

Нужно покончить с этим безумием. А как ещё можно называть помешательство? И было бы на ком! Даже не знаю, что меня больше бесит: собственная, какая-то нездоровая одержимость или объект этой одержимости!

Решительно поднимаюсь, надеваю плавательные шорты и до самого вечера оставляю Леру одну. Когда её нет поблизости, начинаю мыслить почти трезво. И хоть на ум упрямо лезут слова Дианы, я отсекаю их в который раз. Нет у меня никаких навязчивых состояний! И я знаю, как в этом убедиться.

Отыскиваю взглядом Крис. Она нежится на краю бассейна. С ленчой поднимаюсь с шезлонга и ныряю в прохладную воду. Подплываю к женщине.

– Ну привет! – говорю с усмешкой.

Крис поднимает очки и облизывает губы.

– Приветик! – усмехается она в ответ. – Наконец-то! Я уж было решила, что ты станешь меня игнорировать в присутствии дочери.

– В присутствии – может, и стану, а вот в её отсутствие... – широко улыбаюсь я, утягивая Крис в воду.

Она сразу лнёт ко мне, но я не настроен на долгую прелюдию. И не хочу её целовать.

– Пошли прогуляемся до лодочной станции, сладкая? – предлагаю нетерпеливо, и Кристина довольно хохочет, грациозно выбираясь из бассейна.

За годы знакомства с очень дальней и абсолютно некровной родственницей, которую я воспринимал скорее как шапочную знакомую, что не мешало нам периодически доставлять друг другу беспричинное удовольствие, мы перепихнулись раз восемь. И сейчас я не вижу препятствий, чтобы использовать Крис в благих целях.

Выпрыгнув на бортик бассейна, я беру её за руку и веду по дорожке к пляжу. А там сразу втягиваю в домик у самого пирса и запираюсь изнутри.

Крис оголяет грудь, и я довольно скалюсь. Да! Это именно то, чего мне не хватало! Это мгновение, я уверен, с лёгкостью компенсирует недели простоя.

Концентрируюсь на тяжести женской груди в руках, поигрывая с призывно торчащими сосками... Как же прекрасно отключить голову, чёрт возьми! Умелые пальчики Кристины проворно ныряют под резинку шортов, пока я забавляюсь с её великолепными дыньками. Она старательно меня заводит... пытается... Чтобы скрасить неловкую заминку, я прижимаю податливое тело к стене и целую, резко врываясь чуть ли не до самой глотки.

“Давай же, Хмурый, – советую себе мысленно. – Ты же хочешь бабу... Соберись!..”

Но правда заключается в том, что по неясным, не поддающимся никакой логике обстоятельствам, какую попало бабу я больше не хочу. Только ту, что занозой сидит под кожей...

– Да-а, – томно протягивает Крис, когда я отстраняюсь. –

Стареешь, Андрей...

– Дел по горло, – с досадой сплёвываю я. – Тут не до потенции.

– Это легко поправить, нужно всего-то чуть больше времени, – соблазнительно шепчет она.

Не хочу её разубеждать, но времени у меня было предостаточно. Малолетняя барменша, вереница снятых в клубах и ресторанах девок самых разных мастей, давняя знакомая Нателла под Новый год... У меня не было нормального секса уже очень долгое время. Я тупо не мог. И надежды, что это само пройдёт, таяли с каждой новой попыткой.

– Да где бы ещё взять это время? – притворно вздыхаю, поправляя чашки её купальника. – Скоро ужин, потом Лерка, может, гулять захочет...

– Приходи ко мне ночью, – приглашает Кристина. – Я терпеливая и умелая.

Я не говорю ни да, ни нет. Посмотрим. Мне не хочется думать о причинах моей неспособности, учитывая наличие огромного желания потрахаться. Потому что как бы я не старался, всё сводится к Дианиному вердикту.

Пока я не утолю свой неуёмный физический интерес к Лере, я не смогу вернуться в строй.

За ужином я представляю Леру остаткам домочадцев, тем, кто проживает здесь на более или менее постоянной основе. Остальные гости придут к концу недели, когда и состоится празднование восьмидесятилетнего юбилея дядюшки.

Так или иначе, вечер сегодняшний мы проводим в тесном кругу родственников со стороны Анны, жены моего родного дяди, у которого теперь из всех прямых родных только я и настоящая Лера. Но сейчас он довольствуется беседой с ненастоящей дочерью любимого племянника и, судя по всему, общение это приносит ему удовольствие.

Я сижу поблизости, прислушиваясь к их разговорам. Просто на всякий случай. Не хотелось бы попасть в неприятности из-за одного необдуманного слова девушки, поэтому я не тороплюсь оставить их наедине, изредка отвлекаясь на обращающихся ко мне людей, и стараюсь не сильно засматриваться на свою фальшивую дочь.

Можно вытащить девку из деревни, дать ей платиновую карту, но даже после салонов и бутиков она не станет леди. Для этого нужен особый внутренний стержень, которому попросту неоткуда взяться у неотёсанной клуши. А вот в Лере он, определённо, имеется. Несмотря на жизненные трудности, она не растеряла мастерства выглядеть дорого и стильно. И сейчас, после того, как я перед поездкой вынудил её пополнить гардероб и посетить косметолога и парикмахера, она больше не похожа на барменшу из моего кафе. Передо мной снова девочка из весьма обеспеченной семьи.

Собственно, этого эффекта я и добивался. А Лера идеально исполнила то, о чём я её просил. Только одно я не учёл: преобразование Леры слишком уж привлекает внимание. Моё внимание.

Для первого “семейного” ужина девушка выбрала роскошное белое коктейльное платье. Скромное, но подчёркивающее достоинства фигуры и открывающее великолепный вид на длинные ноги с худыми коленками.

– Предлагаю отправиться на вечерний променад, – потирает руки Ульрих.

– Юр, Андрюша с Лерочкой, наверное, хотят отдохнуть после дороги, – мягко замечает Анна.

– С удовольствием прогуляюсь, – торопливо заверяет Лера.

Все как-то быстро сливаются, и я тоже имею такое желание. Но не хочу оставлять Леру наедине с дядей во избежание проблем. Мало ли, что спросит старик, а она, хоть я и много ей рассказывал, всё ещё плавает в некоторых моментах.

Рассчитываю, что прогулка не растянется допоздна, что ограничится походом до пляжа и обратно. Но Ульрих тащит нас через центральный въезд на главную – и едва ли не единственную – улочку этого фешенебельного острова.

Неподалёку от виллы сёрф-кафе. Днём катают, ночи напролёт отдыхают. И эта ночь не исключение.

Со стороны пляжа доносится музыка, оранжевое зарево от костра расплывается по ночному горизонту.

– А тут наш Николас отдыхает, – кивает старая Анна. Ага, стало быть шалопай, сын брата Кристины, вымахал и теперь тусуется с золотой молодёжью?

– Пойдём, Лере покажем, – подталкивает меня вперёд Ульрих. – Чего ей с нами скучать, правда? А так, может, захочет тоже выходить погулять вечером.

– Мы здесь всего до выходных, ты не забыл? – скептически бросаю ему. – Нечего Лере привыкать гулять в новой компании, когда так скоро придётся возвращаться.

– Не будь брюзгой, Андрейка, – усмехается Ульрих. – Сам-то куролесил ого-го как в молодости! Так не сажай свою девочку на короткий поводок.

Мне категорически не нравится это предложение. Смысл поездки не в том, чтобы Лера тусовалась где-то ночами и отсыпалась потом полдня. Смысл был просто порадовать деда! Но за каким-то лешим я плетусь через кафе к открытой веранде и пляжу.

Тут тусуются люди самых разных возрастов, поэтому никто не удивляется ни моему появлению, ни появлению моего дяди и его супруги. А Лера и вовсе вызывает оживление. А когда это оживление доходит до Николаса, парнишка неохотно подходит поздороваться.

– Хей, дед! Бабуль! Здрасьте! – поочерёдно здоровается он с нами и бросает быстрый взгляд на Леру. – Я ужин пропустил, ничего страшного?

– Да что ж с тобой поделаешь! – кряхтит Ульрих. – Если ветер свищет в голове... Ник, тут такое дело. Внучка ко мне прилетела, может, она немного с тобой погуляет, осмотрится? А мы с её отцом пока пропустим по стаканчику у бара.

Лера смотрит на меня с паникой, но подчиняется и идёт за поддельным родственничком, который всячески начинает распускать перед ней хвост. Вот же петушара малолетний! Этот факт настолько меня раздражает, что я не могу сконцентрироваться на беседе с дядей и тётей. То и дело мой взгляд отыскивает Леру.

Вот она угощается чем-то из глубокой тарелки... Пьёт сок... Надеюсь, сок. Играет во фрисби с компанией Николаса. Вот он вытягивает её в толпу танцующих у костра парочек...

– Видишь, Андрейка, – улыбается старик. – Освоилась твоя Лера. Можем идти отдыхать. Тут ребята все спокойные, уж мне ли не знать. И Ник приведёт её домой в целости и сохранности.

Я вздыхаю. Наверно, это было бы лучшим вариантом. Уйти домой, оставив её здесь. Будь это моя дочь, я бы так и поступил. Но здесь не она. Здесь Лера, с которой я заключил определённый договор, и я не желаю, чтобы она развлекалась на полную катушку, когда стоит вопрос если не жизни и смерти, то моей безбедной старости.

– Не хочу оставлять её одну в незнакомом месте. Хотя бы первый день, – говорю родным. – А вы ступайте, отдыхайте.

– Дай ты девочке глоточек свободы сделать в отпуске! – настаивает Ульрих, но Анна мягко говорит:

– Это их дело, сами разберутся. Хочет Андрей караулить Леру, пускай сидит хоть до утра.

Но до утра я, конечно, не сижу. Моих нервов не хватает надолго. Ник отвлекается на какую-то девку и уходит потанцевать, а Лера остаётся одна. Буквально тридцать секунд. Примерно столько по моим подсчётам проходит времени, когда в соседнее мягкое кресло-мешок падает какой-то хлыщ, который явно не прочь склеить девушку.

Он что-то говорит ей, она смущённо смеётся. Он тянет её в сторону импровизированного танцпола, но Лера упирается и возражает. Её тело, натянутое как струна, вмиг деревенеет и застывает. Я не понимаю, что происходит, почему она вдруг начинает словно механически переставлять ноги, хотя за мгновение до этого, казалось, и вовсе не собиралась идти с этим парнем...

Выхожу на веранду, подбираюсь чуть ближе...

Абсолютно безучастная к происходящему, Лера будто пребывает в каком-то шоковом состоянии. Я бесцеремонно хватаю её за локоть, вывожу из толпы, из кафе, подальше от людей. Ташу в сторону виллы, пока скованное напряжением тело не смягчается. Постепенно пелена перед её глазами рассеивается, и девушка концентрирует взгляд на мне.

– Какого чёрта, Лера?! – набрасываюсь я на неё. – Ты что, употребляла какую-то наркоту?

– Нет, – шепчет она дрожащим голосом.

– Тогда что это была за чертовщина? – спрашиваю у неё. Она молчит.

Я втягиваю её на территорию частных владений дядюшки,

увожу в сторону пляжа, подальше от возможных случайных свидетелей. И спрашиваю снова:

– Какого чёрта там произошло?!

– Я... не знаю, – шепчет она. Смотрит так жалобно своими глазами, полными слёз. Мне скулы сводит от этого щенячьего взгляда.

Но я лишь сильнее стискиваю рукой тонкий, словно кукольный, локоток и встряхиваю её.

– Мы с места не сдвинемся, пока ты мне не расскажешь, что там произошло.

– Там ничего *такого* не произошло! – огрызается она, и от злости я притягиваю её ближе и выдыхаю в лицо:

– Не ври мне, Лера!

Перехватываю её удобнее. Чтобы и не думала вырываться, не пыталась сбежать. Мягкие полушария груди вжимаются в мою грудь до такой степени, что становится сложно определить, где и чьё биение сердца.

– Я не вру! – пищит девушка, извиваясь в моих руках. – Отпустите!

Её стройное тело в классном платье с волнующими меня изгибами и округлостями ощущается просто превосходно под моими ладонями, вызывая мгновенный и бескомпромиссный стояк. А дерзкие пухлые губы, с которых так часто срывается горячее дыхание, сводят на нет все мои попытки удержать крупницы самообладания.

– Лера, – рычу я. – Отвечай, иначе...

– Иначе – что? – закатывает она глаза. – На тот случай, если вы вдруг забыли... Вы не мой папочка! Я не обязана отвечать, если не захочу!

Я врезаюсь в неё бёдрами. Так, что она просто-напросто не может не почувствовать силы моего возбуждения. И её глаза удивлённо округляются.

– Прекрасно знаю, что я не твой отец, – цежу сквозь сжатую челюсть, оглаживая ладонями спину и ягодицы девушки. – Каждый чёртов день я думаю об этом. Каждую чёртову ночь вспоминаю... Тебя, Лер. Ты мне мозг выносишь конкретно, внутренности разъедаешь, под кожей сидишь... Я трахать никого не могу из-за тебя, девочка Лера. Знала бы ты, как меня это достало!

Она раскрывает рот, явно чтобы что-то возразить. Или потребовать совершенно невозможного – чтобы я её отпустил.

Я не собираюсь слушать возражений. И не собираюсь отпускать.

Я впиваюсь в её сахарные губы алчным поцелуем, крепко удерживая её в своих руках.

Чувствую, как тонны тяжести прошедших недель спадают с плеч. И это бесит ещё больше.

Но Лера перестаёт сопротивляться и откликается на поцелуй. Робко, неумело, нерешительно, срывая разом все защитные функции моего организма и любые тормоза.

Глава 8

От быстрых, напористых поцелуев быстро кончается кислород, и я уворачиваюсь от жадных мужских губ, чтобы сделать несколько глубоких вдохов. В эти мгновения Хмурских целует мои скулы, щёки, уши, шею. В его поцелуях нет нежности, только пугающая, какая-то первобытная потребность.

На уровне подсознания бьётся мысль, что я должна его остановить, остановить это безумие. Я жду, что страх снова сожмёт внутренности, а тело охватит оцепенение, что я начну задыхаться от ужаса, позабыв, как дышать. Но уже не в первый раз ловлю себя на мысли, что рядом с Андреем не чувствую парализующего страха. Словно все мои инстинкты самосохранения отключаются в один миг.

Он был первым и единственным мужчиной, кто меня целовал, кто меня касался, и тот единственный раз привёл к ужасным последствиям. В какой-то степени он стал для меня травмирующим опытом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.